

иван тропов

КРЫСОЛОВ

Иван Тропов

Крысолов

«Издательские решения»

Тропов И.

Крысолов / И. Тропов — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-939095-0

Он был военным дрессировщиком генномодифицированных животных, идеальных бойцов-диверсантов, пока это оружие не вырвалось из лабораторий на свободу. Теперь Москва — пустошь, куда не суются военные патрули. Здесь продают генетических секс-игрушек и устраивают гладиаторские бои. А сам он — Крысолов. Может сделать безопасным любое место. Как? Есть желающие узнать это любой ценой. И странная девушка, которая зачем-то ищет Крысолова. И кто-то еще, о ком пока не знает никто, а это ошибка... Книга содержит нецензурную брань.

ISBN 978-5-44-939095-0

© Тропов И.
© Издательские решения

Содержание

I. ГОРОД	6
Конец ознакомительного фрагмента.	68

Крысолов

Иван Тропов

© Иван Тропов, 2020

ISBN 978-5-4493-9095-0

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

I. ГОРОД

Машина была новенькая, чистенькая, небесно-голубая – но без шин. Диски уперлись в брусчатку. Вокруг, словно горсти черного снега, лежали мелкие резиновые ошметки.

– Как же меня достали эти жирные твари, – сказал Тягач, разглядывая кремлевскую стену за машиной.

Он щелкнул окурком, отправив его в сторону кремля крошечной баллистической ракетой, – но пролетела та всего метров пять. Свалилась с курса и упала на брусчатку. Тогда Тягач поднял гранатомет и прицелился в ворота.

– Очумел, что ли! – Живодер поспешно положил руку на гранатомет и опустил толстый ствол. – Дошутишься, остряк-самоучка. Поверят, что хочешь выстрелить, и затопчут, даже помолиться не успеешь...

Он кивнул на машину, небесно-голубой «Сахалин», замерший ровно посередине между ними и кремлевской стеной. Если не считать превращенных в ошметки шин, машина была в идеальном состоянии. Блеск и красота, собранная отечественным производителем под чутким руководством японских мастеров... Совсем недавно шины обожрали. Еще неделю назад «сах» здесь не было.

– Разбомбить бы этот рассадник, – сказал Тягач. – А потом сверху напалмом.

– Нельзя, – сказал Живодер. – Мало ли, что там внутри... Памятник культуры.

– Ну да, а то как же... Памятник культуры... Стены древнего кремля... Интеллигенты долбаные, чтоб их всех голубыми елями...

Стас стоял в стороне, засунув руки в карманы и привалившись спиной к микроавтобусу.

Первые числа марта принесли оттепель, но теперь опять ударил морозец. Брусчатка подернулась ледовыми корочками, и сугробы по краям площади все держались. Первый натиск весны выдержали, а людских рук и подавно не боятся. Их тут уж который год не убирают.

Где-то далеко басисто грохотал тяжелый вертолет. Патруль на бреющем полете. Очковитирательство, да и только. Стрелять ракетами в городе запрещено, а высаживать солдат здесь никто не будет...

Плащ не согревал. Стас хохлился, старался не обращать внимание на треп Живодера и его сподручных. Ребята они не такие тупые, какими кажутся. Это все нервы. Такое уж место. Даже эти, не самого робкого десятка, чувствуют себя не в своей тарелке – здесь.

Вертолет ушел. В его затихающем грохоте возник другой звук – глухой рокот машин. Здесь, в самом центре старого города, совсем рядом с Красной площадью, машины обычно не ездили. Тут и люди-то не живут. В гулкой тишине заброшенных бетонных коробок звук разносился далеко.

– Едут! – оживился Тягач.

Он хлопнул по стеклу первого джипа – всего в кавалькаде Живодера было два джипа и один микроавтобус – и замахал рукой, словно взбивал что-то невидимое.

Захлопали дверцы, из обоих джипов полезли ребята. Все в строгих черных костюмах и аккуратных модных пальтишках – но с такими лицами, что даже малыша их приличный вид не обманет.

Живодер подошел к Стасу.

– А если это солдатня, Крысолов? Откроем огонь, так эти же, – Живодер кивнул в сторону Кремля и «сах», с объединенными подчистую шинами, – рванут на нас... Что делать?

– Это не военные, – сказал Стас. – Военные сюда уже полгода только на танках.

Да и до этого они сюда особенно не ездили. Хорошо, если останки «сах» вытянут тягачом или подцепят вертолетом в ближайшую неделю.

Из-за здания торгового центра – вывеска сохранилась до сих пор, хотя универмага там не было уже лет пятнадцать, – на площадь вынырнул джип. За ним еще один, и еще...

Всего четыре. Прошмыгнули по самому краю площади, робко прижимаясь к стене бывшего торгового центра, и встали перед машинами Живодера. Опять захлопали дверцы, опять посыпались ребята в модных пальто, но с такими физиономиями, что будто на лбу написано, чем себе на жизнь зарабатывают.

Последним вылез человек с благородным лицом и седыми висками. Подошел к Стасу и Живодеру.

– Добрый вечер, господа.

– День добрый, – откликнулся Живодер, прищурившись.

Стас кивнул мужчине, отлип от микроавтобуса. Подчеркнуто вскинул руку, чтобы взглянуть на часы. Шесть восемнадцать. Господин запоздал, но это его личные проблемы.

– У вас есть двенадцать минут, господа, – сказал Стас и отошел в сторону.

Это их дела.

Его дело – обеспечить им полчаса относительной безопасности в этом месте. Чтобы из-за кремлевской стены не рванул поток крыс. Поток целенаправленный, как язык мухолова, расстилающийся от кремлевских стен черным ковром за какие-то секунды – до самых краев площади и выплескивающийся дальше, на узкие улочки между старинными малоэтажками...

Чтобы не получилось так, как с тем «сахом». Эти крысы не похожи на трусливых грызунов, шаставших по здешним помойкам двадцать лет назад. Теперь здесь живут другие крысы. Модифицированные. Размером с терьера.

Именно поэтому в этом месте никому и в голову не придет устроить западню или открыть стрельбу. Стас кисло усмехнулся. Просто идеальные условия для бизнеса...

Тягач распахнул задние дверцы микроавтобуса. Ветерок разнес младенческий благой мат. Ну, еще бы. Дети лежали в микроавтобусе как минимум часа два... Хотя черт его знает, можно ли назвать их детьми.

По генотипу они лишь частично люди, а наполовину – а кто и на все три четверти, – звереныши. По закону они биологическое оружие. Для Живодера товар. Для господина с честным лицом и седыми висками – способ выжать из жизни еще несколько капель удовольствия. А может быть, просто перепродаст их дальше. Мелкой розницей.

Стас достал из кармана пакетик жареного арахиса, вскрыл его и стал закидывать в рот по орешку. Эх, пивка бы... Нет, и так холодно. Лучше сладкого чаю. Крепкого и горячего. Так, чтобы обжигал живот, струясь по пищеводу...

Нет, все же не для мелкой розницы, не на перепродажу. Для себя.

Господин с седыми висками раскутывал младенцев, не задумываясь о том, что под ногами, вообще-то, хрустит лед. И осматривал, переворачивая со всех сторон. Словно фрукты на базаре выбирает.

Глаза бы не смотрели... Стас отвернулся, но в тонированных стеклах джипа все равно все отражалось. Вот щенок со слишком большой головой. Еще что-то, кажется, с человеческой кожей – но непропорционально большими руками, как у гориллы. А вот младенец с кошачьими лапами вместо ног. Когда вырастет, будут как у барса. И черт его знает, мальчик это или девочка...

Живодер кивнул Тягачу, тот хотел запеленать обратно младенца с кошачьими лапами – но господин младенца не отдал. Держа младенца на вытянутых руках, отвернулся от микроавтобуса и стал вертеть его так и эдак. Ее. Все-таки девочка. Окрас шерсти на лапах проверяет, что ли?

Младенец заблажил громче, засучил ручками, дернул и лапами, словно хотел цапнуть господина за руку, но тот не обратил на это внимания. Спросил что-то у Живодера.

Живодер помотал головой и стал объясняться.

Господин слушал. Слушал не перебивая, пока Живодер не закончил. И опять принялся вертеть малыша в руках, присматриваясь к шерсти на лапах. Младенец надрывался все сильнее, но господина с благородным лицом это ничуть не смущало...

Все, хватит! Стас швырнул пакетик с арахисом. Орешки разлетелись по брусчатке, ветер подхватил пустой пакетик и поволок вдоль стены.

Стас подошел к торговцам. Поднял руку и постучал пальцем по часам:

– У вас осталось пять минут, господа.

– Подождите, прошу вас, – сказал господин. – Вы ведь Крысолов, не так ли? Я оплачу ваше время, подождите. Я не хочу купить за такие деньги бракованный товар. Кота в мешке, простите за каламбур.

– Да будет у нее ярко-рыжий цвет, будет! – сказал Живодер. – Ей подрасти надо. Цвет поменяется, как только включатся половые гормоны, через два года. Я даю гарантию.

– Простите, о какой гарантии речь? – вежливо улыбнулся господин. – Через два года...

– Через четыре минуты тридцать секунд я ухожу, – сообщил Стас и отошел.

Живодер и господин поглядели на Стаса, поглядели на кремлевскую стену. Поглядели друг на друга. Господин отдал орущего младенца Тягачу, тот умело спеленал девочку. Ну просто любящий папаша, хоть ручищи у него такие, что легко гнут арматуру. Это сколько же он их, всяких и разных, помог Живодеру продать, если так навострился?..

Ладно, это их дело.

Их, их, их. Только их. So live and let die. Умей жить и дать умереть. Иначе умрешь сам.

Стас поднял воротник. Черт, прохладно. Надо было пальто надеть. Стас постучал по брусчатке каблуком. Ботинки были большие, на толстой подошве. С одного удара можно мениск разбить. Звук был глухой, тихий, толчки отдавались в ногах приятной волной тепла.

Господин с седыми висками щелкнул пальцами, его ребята принесли чемоданчик, поставили на пол микроавтобуса, понесли к своим машинам оружие и поскуливающие кульки. Откуда-то появилась машинка для проверки купюр. Дело тронулось.

– Не забудь проверить счет, Крысолов, – позвал Живодер.

Захлопнул дверцу, и его кортеж умчался вслед за кавалькадой господина с седыми висками.

Стас остался совершенно один на площади. Солнце уже облизывало зубцы кремлевской стены, площадь стала в самом деле красноватой. Даже грязный ноздреватый снег по краям площади не портил вид.

Из провала ворот, ведущих за стену, выглянуло что-то серое, – невысокое, совсем чуть-чуть над брусчаткой. Или показалось? Далеко отсюда до ворот, сотня метров с гаком. В любом случае, задерживаться не стоит.

Стас отлип от стены и пошел прочь, вдоль бока торгового центра. Бывшего.

Через два квартала свернул на узкую улочку, остановился возле арки, забранной тяжелыми чугунными воротами. Достал длинный ключ и вжал в замок, открывая неподатливые штыри. Надо бы смазать. И петли тоже не помешало бы...

И замер. Сзади определенно был шум – и вовсе не ветра.

Стас медленно обернулся. Напротив этой арки была еще одна – уже без всяких ворот. Оттуда и доносилась возня.

Стас расстегнул плащ, сунул руку под мышку, взвел курок «хеклер-коха». Одновременно с ним должен был загореться и оранжевый огонек указателя цели. Но доставать пистолет не стал.

Здесь действовал закон фронта. Если не хочешь драки, не доставай оружия. А уж если достал – то стреляй. И стреляй первым. Или умри.

Но не будем уподобляться животным. Кроме стрельбы и смерти есть еще такие вещи, как разговор, верно?

Стас перешел дорогу и медленно двинулся под арку напротив, стараясь не наступать на мусор. Ботинки на толстой подошве ступали бесшумно, но все равно в арке гудело – то ли от ветра, то ли еще от чего...

У выхода из арки Стас остановился, поправил кобуру и полу плаща, чтобы не зацепилась рука, если все же придется играть в ковбоев. Выглянул во двор.

Снизу, метра на полтора от асфальта, дом был облицован мрамором. Сверху, где мраморная плита кончалась, стена чуть отступала, образуя полку, опоясывавшую весь дом. Неглубокая, от силы сантиметров пятнадцать.

На этой-то полочке, обняв лапой трубу водостока, и стоял маленький шимпанзе. Совсем молодой – голова непропорционально велика для туловища, совсем так же, как и у человеческих карапузов. Ростом сантиметров пятьдесят, шерсть странной, серебристо-серой масти. В свободной лапе он сжимал короткий железный прут.

Под стеной сидели две крысы. Два здоровенных самца, каждый кило по семь. Не всякая кошка так отожрется.

Они смотрели на обезьянку, но не нападали. Просто сидели на асфальте и ждали. Брли измором. Осада длилась уже долго, похоже, и не без успеха. Обезьянка дрожала от холода и клевала мордочкой, с трудом заставляя себя разлеплять глаза.

Вот они опять закрылись. Дрогнули, но так и не открылись... Мордочка пошла вниз, склоняясь к груди...

Крыса прыгнула. Бесшумно, резко взмыв в воздух серой тенью – но шимп как-то почувствовал.

Махнул прутom – и очень ловко, видно, тоже наострил за эту длинную осаду. Крыса бешено завертела хвостом, переворачиваясь в воздухе. Спасла морду от прута – лишь задело по ушам – но врезалась в мрамор на десяток сантиметров ниже полки. Шлепнулась на асфальт. Вскочила, приподнявшись на задних лапах, и, ощерившись, не спускала крошечных глазок с шимпа.

Обезьянка, судорожно втягивая воздух, крепче обхватила трубу, прижалась к ней, словно хотела протиснуться в щель между ней и стеной. Заметила Стаса и закричала.

Крысы обернулись. Переглянулись и пошли на Стаса, расходясь в стороны. Та, что получила прутom по ушам, громко и требовательно пискнула. Из выбитой двери подъезда выглянула еще одна серая морда. Огляделась и убежала обратно.

За подмогой. Сколько же их здесь?..

Лучше не проверять.

Стас достал пистолет. По стене, подпрыгивая на неровностях, помчалось оранжевое пятнышко. Крысы стрельнули глазками по пистолету, по пятнышку – и двумя серыми стрелами брызнули в стороны, под хлам в углу двора.

Опытные. Тем более лучше не проверять, сколько их здесь.

Обезьянка опять закричала. Отчаянно, из последних сил.

Оглядываясь, чтобы крысы не напали сзади – крысы не испугались пистолета, отнюдь, они просто приняли его во внимание, – Стас подбежал к обезьянке. Мальчик, и даже с ошейником. Откуда же ты здесь, горе шерстяное?..

Обезьянка отлипла от трубы, протянула лапки, но прут выкинуть и не подумала.

Стас сам вырвал его из слабой лапки, швырнул в темный провал подъезда. Подхватил шимпанзе под мышку и, оглядываясь по сторонам, попятился от подъезда, держа проем входа на прицеле.

Если их там, внутри подъезда, много, просто убежать не получится. Они бегают куда быстрее человека. И если они всей оравой вынырнут из проема во двор, то окружают и набросятся, не опасаясь никакого пистолета. Тут уже и автомат не поможет. Невозможно уследить за десятком тварей, окруживших со всех сторон и прыгающих не тебя, целя в шею.

Единственный шанс – уложить их, когда они будут выбегать из подъезда, мешая друг другу. Если не остановить их на пороге, все...

За темным провалом, на лестнице, шуршало, но мордочки не показывались. Наблюдали откуда-то издали с лестницы, из темноты. Им оттуда все видно, а вот их самих не разглядеть. Знают, опытные.

Стас привалился плечом к стене – сзади был угол и вход в арку. Еще шаг назад, внутрь арки, и подъезд уже не будет видно. Так что теперь действовать надо быстро.

Стас развернулся и рванул через арку, через дорогу, скользнул за ворота и захлопнул их. Когда клацнул язычок тяжелого замка, Стас уже обернулся и оглядывал двор.

Здесь все было в порядке. Вроде бы... Этот двор был сквозной – впереди была еще одна арка, со сплошными железными воротами, прекрасно подогнанными, не оставив снизу ни щелки.

Все окна во дворе, до четвертого этажа, были забраны частой решеткой. Нет, конечно, крысы не могли так высоко прыгать. Эти решетки ставили не хозяева, чтобы защищаться от улицы. Эти решетки ставили по его заказу, чтобы защитить двор от внутренностей необитаемых домов. Как и две тяжелые стальные двери в оба подъезда.

Потому в этом дворе и тихо. И родная пурпурная «нива» стояла, как ее оставил час назад – с целыми шинами, а не на голых дисках, как тот «сах» на площади.

Шимп под его рукой зашевелился, вцепился лапками в плащ. Глаза были большие, испуганные. И преданные. Ну, еще бы...

Стас сунул «хек» в кобуру, залез в машину, завел мотор и включил обогреватель. Ну и погодка! И сам задубел, как эта обезьяна.

– Как ты сюда попал-то, шерстяной?

Стас задрал мордашку шимпанзе, покрутил ошейник. На ошейнике не было ничего, кроме имени. Да еще на латинице: Sir Grey.

– Сэр Грэй, значит... Нет уж, лапочка. Без расшаркиваний обойдемся. Серый ты, вот ты кто. Просто Серый.

Шимпанзе, преданно глядя в глаза, кивнул и что-то пролопотал по-своему. На кличку среагировал? Русский Серый и впрямь похож на буржуйского сэра.

Ага... Нет, не на кличку. Серый сунул в рот палец и стал его сосать. Голодный.

Стас залез в карман, за пакетиком с арахисом... черт! Зачем выкинул, дурак?

– Сейчас, подожди.

Стас попытался пересадить Серого на пассажирское кресло, чтобы дотянуться до бардачка, но Серый заверещал и вцепился в плащ, не отпуская.

– Да не брошу я тебя, не брошу... Куда уж теперь-то... Только в суп если.

Осторожно, чтобы не зажать шимпанзе под рукой, Стас перегнулся через него и открыл бардачок. Ага. И пакетик арахиса, и даже бутылочка колы. И еще какой-то огрызок бублика, провалявшийся здесь, должно быть, уже дня три, и весь ссохшийся...

Серый смолотил все. Только кола ему почему-то не понравилась – лишь пригубил ее, буквально пару глоточков, только чтобы не давиться всухомятку.

Пока он ел, машина прогрелась, стало тепло. Маленький живот разбух, глазенки закрылись, и обезьянка задремала. Стас пересадил его с колен на правое сиденье, закутал в плащ и пошел открывать ворота – те, что выходили на другую улицу. Будем надеяться, там крыс нет.

И откуда он здесь взялся? Из того голубого «сахара», что ли? Хозяев съели, а этот улизнул? И два дня простоял на полочке, отмахиваясь от крыс? Силен, шерстяной...

Стас отпер ворота и выглянул на улицу. Чисто. В смысле, никого. Уборка бы здесь не помешала. Вроде бы, давно здесь никто не живет – а мусор откуда-то берется. Ветер его приносит, что ли, с окраин города, где еще жить можно? Гоняет по улицам, замечая, как может, пустоту и безмолвие брошенного центра...

Стас вернулся в машину и медленно вывел ее за ворота, стараясь не разбудить Серого. И что с ним теперь делать... Не дома же выращивать, в самом деле? Обезьяну дома без присмотра оставлять нельзя. Был дом, станет склад после бомбардировки. Младшие братья человека, черт бы их побрал. Ломать уже умеют, а вот строить еще никак...

Черт, и дернуло же взять... Но не бросать же его было, эту животинку? Куда-то теперь везти надо. Уговаривать, чтобы взяли.

Добрый? Ну-ну. Вот теперь и мучайся. Дурная голова ногам покоя не дает...

Мытье прошло гладко. Когда на сонного Серого упала струя теплой воды, он дернулся, открыл глаза – но тут же успокоился. Видно, привык, что его мыли в ванной.

Расслабился и проспал все мытье. В себя пришел, только когда Стас стал его растирать полотенцем. Тут глазки открылись, и Серый проснулся. Вместе с норовом. Заблажил, стал вырываться...

– Ну и черт с тобой.

Стас закутал Серого в махровое полотенце и стал раздеваться сам. Серый задумчиво наблюдал. Когда Стас снял перевязь с двумя кобурами, малыш вытянул ручонку и что-то пробубнил.

– Да на, на! – отщелкнув обойму, Стас сунул ему тяжелую игрушку. – Черта с два ты его сломаешь.

На ходу стягивая джинсы и свитер, прошел в эркер. Там стояла джакузи, доставшаяся в наследство от старых хозяев.

Из трех больших окон открывался вид на пруд, деревца по его краю. И совершенно темные дома на той стороне. Теплая вода соблазнительно пенилась, пар полз вверх, к высокому потолку с огромным круглым окном-куполом. За ним уже выступили звезды.

Стас вступил в ванну, медленно сел, чувствуя, как горячая вода приятно обжигает кожу. Опустился на спину, раскинул руки. Хорошо-то как... Боже, как хорошо! Тепло проникало внутрь. Струилось сквозь кожу, растекалось внутри... Медленно, но верно оживляло усталое и промерзшее тело.

В такие дни особенно выматываешься. Но тут уж ничего не поделаешь. Конвоирование братков для встречи на Красной площади, где они не опасаются подстав друг от друга, приносит куда больше, чем обычная работа. Три процента, но при их оборотах это вполне ничего себе. Сегодня составило четыре с половиной тысячи драконьих шкурок. Неплохо.

Хотя эти деньги пойдут не в его карман. Уйдут как часть ежемесячного платежа. И еще хорошо, если в этом месяце не придется залезать в то, что отложено на черный день. Чертова страна... Даже за то, чтобы никого не трогать и жить самому по себе, – даже за это здесь приходится платить.

В гостиной ожил телевизор. Раздались голоса, смех. Противный какой-то смех, Стас невольно поморщился... Все, наигрался Серый с немецкой игрушкой? Теперь настала очередь пульта?

Точно. Каналы пошли переключаться. Господи, и зачем Серый включил этот дурацкий ящик. Как хорошо без него было. Отобрать у него пульт, что ли? Ящик противно бубнил, но вылезать из теплой ванны не хотелось. Даже открыть глаза лень.

Серый все переключал. Какой-то сериал. Еще один сериал. Шоу. Ток-шоу. Шоу. А это новости, только новости читают такими собранными и противными женскими голосами.

– Похороны генерала Рыжова...

Серый опять переключил канал, дикторшу сменила музыка.

– Стой! – крикнул Стас.

Все удовольствие как корова слизнула. И следа от него не осталось. Стас выскочил из ванны и, шлепая мокрыми ногами по кафелю, а потом и по паркету, проскакал в гостиную, оставляя за собой лужицы.

– Дай! Дай сюда!

Отобрал пульт у удивленного Серого и переключил обратно.

– ...цена на киловатт-час на пекинской бирже снова опустилась, но, по уверениям аналитиков...

Черт возьми! Про генерала Рыжова уже все сказали.

Стас постоял, тупо слушая дикторшу. В голове стало неразборчиво, как на улице во время жесткой пурги с липким снегом. Ни черта не понять.

Похороны генерала Рыжова... Сдох старый лис. Или это другой генерал Рыжов? Есть у них еще один генерал Рыжов? В этой стране генералов как собак нерезаных, больше чем рядовых без сержантских нашивок.

Можно, конечно, включить компьютер и посмотреть по сети. Но что толку? Почему-то особых сомнений, что это именно тот генерал Рыжов, не было. Тот самый. Иначе бы уточнили, что это не тот Рыжов, который во главе комитета генетической безопасности, а какой-то однофамилец. Если бы вообще стали сообщать...

Стас глянул на часы. Без двух минут девять. Пощелкал пультом, пока не нашел канал, где новости только должны были начаться.

– Малыш, посиди смирно, а? – убито попросил Стас и прошлепал обратно, унося с собой пульт.

Залез обратно в ванну и стал ждать, когда пройдет нужная новость.

Что же теперь будет-то?..

Пристрелили генерала? Или сердце подвело? Или еще что-то?

Главное, как быстро он умер? Успел раздать последние распоряжения перед тем, как его отвезли в больничный морг? И самое важное – что будет с содержимым его домашнего сейфа, с его личными архивами? Где-то ты сейчас, папочка с надписью «Крысолов»...

Где-то с чпоканием открылась дверца, звякнуло стекло. Серый добрался до холодильника. Господи, он же весь дом перевернет! Продукты и так кончаются, пора в пригороды ехать по магазинам, а теперь и последних крох не останется, даже позавтракать нечем будет...

Стас усмехнулся. Какая чушь в голову лезет... Завтрак...

Вот уж что сейчас меньше всего значит, так это завтрашний завтрак. И все-таки, так же на автопилоте, Стас открыл рот, чтобы окликнуть шерстяного паразита, – но тут пошла новость о генерале.

Скоропостижно скончался. Утром. От сердечного приступа во время совещания у президента...

Дьявол. Дьявол, дьявол, дьявол!!!

Ничего старый лис не успел, получается. Ни о какой неспешной передаче дел не могло быть и речи. И куда теперь могла попасть папочка с таким родным названием, было совершенно непонятно.

Как и то, что же теперь будет.

Стас открыл глаза и сел на кровати.

Зашевелился Серый, свернувшийся в клубочек в ногах. Открыл один глаз, разглядывая Стаса и прислушиваясь к перезвону, заполнившему квартиру.

На самом деле, не только квартиру, но и весь дом. Все пять этажей и подвал стали теперь одними большими апартаментами. Лет двадцать назад, пока про модифицированных крыс знали еще только в военных лабораториях, такая площадь, да еще в центре Москвы, стоила бы диких денег, – тем более что сам дом немногим старше, спланирован и построен что надо. Но сейчас все его три с чем-то тысячи квадратных метров стоили меньше, чем двушка в пригородах. И то, если на самой границе со старым городом...

Стас встал и прошел в кабинет. Стена слева от стола была покрыта видеопанелями. Верхний угол светился, передавая картинку с двух камер перед домом.

Перед подъездом стояли три машины. Не какие-то там немки, а самые настоящие «Сахалин-Караты», дорожные до ужаса. Скромного черного цвета. Семь человек – все в гражданских темных плащах, но совершенно одинаковых, совершенно, и по цвету, и по покрою, – стояли возле машин и нервно оглядывались вокруг, сунув руки под левые полы плащей.

Еще трое были перед самой дверью, выстроившись в затылок друг другу. Первый жал звонок. Замыкающий глядел по сторонам. Средний, сунув руки в карманы, просто ждал, и на лице постепенно проступало нетерпение. Эти трое тоже в гражданском. Волосы у всех острижены коротко, как у ребят Живодера. Только вот о прическах никто не позаботился, и вид был совсем не такой крутой. А лица почти такие же...

Индикатор в углу панели гласил: девять тридцать пять. Пунктуальные, надо признать. От Новограда как раз тридцать минут. Черт, быстро же они разобрались с наследством старого лиса...

Стас нажал клавишу внешней связи:

- Доброе утро.
- Открывайте! – потребовал терзавший звонок.
- Чем могу помочь?
- Переговорить надо! Открывайте!

Человек достал из кармана корочки, раскрыл их и поднял поближе к камере. Комитет Генетической Безопасности. Майор Пронин. И все это – на фоне золоченого двуглавого орла.

Интересно, эти ребята вообще задумывались, как сочетается двуглавый орел – и название их ведомства?

- Вы, простите, все хотите со мной поговорить? – уточнил Стас.
- Не выпендривайся! Открывай!
- Ордер у вас есть?

Второй человек, с кислым выражением на лице слушавший все это, вытащил руку из кармана и положил на плечо майору:

– Ладно, оставь... – Он поднял голову к камере. – Я хочу поговорить. И думаю, вам это будет небезынтересно.

- Хорошо, проходите.

Стас не стал отключать внешнюю связь. Просто подождал.

На лице майора, протянувшего руку к двери, медленно проявлялось недоумение. Еще бы. Ручек не стальной двери не было.

Майор все равно коснулся двери, попытался сунуть ногти под щель между стальной внешней накладкой на двери. Нет, конечно. Так ее не откроешь. Магнитный замок держит пять тон, не то что какие-то майорские пальчики.

– Ну что там? – спросил второй, нахмурившись.

– Не открывается... – пожаловался майор.

– Когда двое отойдут на десять метров, дверь откроется сама, – сообщил Стас. – Один сможет войти. Поднимайтесь на четвертый этаж, господин генерал.

Стас отключил внешнюю связь, поискал взглядом халат. Тот валялся на кресле в гостиной. Стас зевнул, закутался в черный шелк с бархатной отделкой.

Серый тоже слез с кровати. Склонив голову набок, наблюдал за Стасом.

– Малыш, ничего не трогай. Сможешь?

Пухлые губы Серого расплылись в улыбке. Ну и зубки у него... Ладно, будем надеяться, что кусаться он не будет.

Серый что-то пролопотал – но негромко и на своем, обезьяньем, не понять. И сунул палец в рот. И опять, уже громче и четче:

– Быва!

Опять жрать хочет?

– Ладно, посиди, – сказал Стас. – Я скоро.

Стас оглянулся на кабинет. На видеопанели ожил третий кусочек. Камера в холле первого этажа. Генерал стоял у лифта, нажимая кнопку вызова. Ну-ну.

Вообще-то лифт работает. Но только для того, у кого есть магнитный ключ, чтобы активировать панель управления. А этот – ножками пройдет, не развалится. Обычно это приводит клиентов в нужное состояние духа. Привыкли, что если два джипа в машинах сопровождения, то хозяева жизни...

Человек наконец сообразил, что лифт не приедет, и пошел к лестнице. Стас нашел ключи от квартиры, вышел и запер дверь. Обычно запирает дверь не приходится. Но это потому, что обычно в квартире не сидит мелкий шерстяной разрушитель, от которого не знаешь, чего ждать. Страшно подумать, что он может сделать, если, гуляя по дому, доберется до генератора. Дело даже не в том, что он может его сломать. Но там же полтонны сжиженного водорода. Открутит кран, и даже огня не потребуется, крошечной искры от статического электричества хватит... Какой там тротиловый эквивалент? Один к десяти или больше?

Стас спустился на этаж. Постоял на площадке, прислушиваясь. Снизу по лестнице поднимались шаги. Вроде, никуда не сворачивает...

На четвертом этаже были две квартиры. Одна совсем пустая. Вторая чуть обжитая. Ее гостиная была превращена в кабинет для посетителей.

Окон здесь не было. Окна остались только на пятом этаже, где и была собственно квартира. А на первых этажах окна были заложены кирпичом и заштукатурены – во избежание. Стены и потолок обшиты красноватым мореным дубом, пол выложен пробковыми панелями. Кожаное черное кресло – это для хозяина, низкий столик, черный кожаный диван – это для гостя или для гостей, иногда приходилось впускать и больше одного. В уголке барная стойка с кофеваркой. Больше ничего. Все, что нужно – и ничего лишнего.

Шаги на лестнице замолкли. Человек, видимо, озираясь, не зная, куда идти.

– Проходите сюда, – позвал Стас.

Уже сидя в кресле. Сидеть, когда входит посетитель – это важно. С ребятами вроде Живодера проходили только подобные психологические штучки.

Заставь его остаться без группы поддержки с бритыми затылками. Заставь подняться на четыре этажа – ножками по лестнице. Сделай одолжение, разрешив присесть. Все, полдела

сделано. Гость может гнуть пальцы, но подсознательно он уже готов. Чувствует себя не хозяином жизни, а просителем.

– Присаживайтесь, – Стас указал на диван. Выдержал паузу. Это очень важно, говорить медленно. – Чай, кофе? Коньяк?

– Нет, ничего не нужно.

Человек сел. Не отвалился на мягкую спинку, а застыл прямо, будто шомпол проглотил. Такого можно одеть во что угодно, все равно военные замашки не замазать.

Стас молчал. Говорить не нужно. Пусть говорит сам.

Где-то в глубинах дома не то шелкнуло, не то клацнуло. Очень тихо. Наверно, какая-то заблудшая крыса попробовала на зуб стальную плиту, перекрывающую вход в подвал.

– Я буду замещать генерала Рыжова, Крысолов.

Вот так вот. Не Стас, не по имени отчеству и не по фамилии. Просто Крысолов. Ладно, Крысолов так Крысолов.

– Очень рад, – холодно сказал Стас.

Быстро, быстро они разобрались с наследством... Слишком быстро. А тут даже толком не знаешь, с кем говоришь.

Понятно, что какой-то генерал. Скорее всего, только произведенный, – лицо незнакомое. Всех ближайших соратников старого лиса Стас знал. Не только в КГБ ведут свои архивы... Но этот – новенький. Кто такой? Имя, фамилия, бывшая должность? В новостях об этом ни слова. В открытых сетевых ресурсах тоже ничего.

– Как мне вас величать?

– Олег Игоревич. Рубаков. Генерал-майор. Со вчерашнего дня.

Ясенько... Раз кичится этим – значит, до вчерашнего дня он был каким-нибудь полковником. И очень может быть, что даже не опытная министерская мышь, а только-только из оперативников. Карьерист?

Признательный господину президенту, перетаскивавшему вверх через несколько званий и дававшему портфель министра, готовый свернуть горы. Всю ночь разбирался с архивами Рыжова. А сегодня, в первый день на новой должности, с утра пораньше, ровно в девять выехал сюда, – весь в делах, весь в делах. С места в карьер. Ничего не обдумав, ничего не просчитав.

Все так, как и учит история. Поколение лис, мягких и хитрых, сменило поколение быков, прямолинейных и упрямых.

– Очень приятно, – сказал Стас.

На самом деле, с лисами куда приятнее. Пусть они хитрее, и в мелочах с ними сложнее. Но зато они мудрее. И в итоге с ними проще. Они не пытаются перекроить весь мир под себя, они дают жить и другим.

– Я не хочу играть с вами в недомолвки, Крысолов, – сказал Рубаков. – Я не знаю, как уж вы там договаривались со старой лисой... Не делайте такое лицо. Вы прекрасно знаете, как все называли генерала. И вы, и я знаем, как он работал. Я в эти игры играть не буду. Меня не волнует, с кем вы якшаетесь, и от чего берутся ваши два процента, или сколько там... Я не собираюсь окучивать вас. Я не собираюсь шантажировать вас. Я собираюсь очистить город от этой мутировавшей дряни. И вы поможете мне.

Ну вот. Началось. Опять пытаются совершенно бесплатно осчастливить и принять в замечательнейшую стаю... Что за люди! Вроде, специально от них подальше уедешь. Дом купишь внутри Садового кольца, где на десять кварталов половина живой души, если не считать крыс. Никого не трогаешь, никому не мешаешь. И все равно – вот, пожалуйста.

Старый лис довольствовался своими пятью тысячами драконьих шкурок в месяц, можно рублями по курсу пекинской биржи. Не так уж и мало. Но совсем немного, если посмотреть на этого бравого регулировщика сибирских рек...

– Господин президент распорядился, чтобы этим летом не повторилось прошлогоднего нашествия крыс на пригороды. Вы меня понимаете?

Стас с трудом удержался, чтобы не нахмуриться.

На самом деле, ничего не понятно. Дело даже не в том, что настораживала сама постановка вопроса: президент сказал, не должно повториться – значит, не повторится. Президент сказал, вселенная выслушала и побежала выполнять...

Это страшно, но прямо сейчас куда хуже другое. Получается, этот ретивый назначенец ни сном ни духом о содержании папочки «Крысолов»?

– Не совсем, – сказал Стас. – Кремль уже пытались очистить несколько раз. Но...

Стас тактично замолчал. Если совсем уж честно, последняя попытка, три года назад, выполнила план по цинковым гробам лет на десять. По крайней мере, на это можно было надеяться.

– Верно, – кивнул Рубаков. – Но вы лучше меня знаете, какие люди это делали. Их интересовали только их карманы, а не результат. В частности, они не привлекали людей вроде вас. Теперь же вы, с вашими способностями, поможете нам. И на этот раз у нас все получится.

Да, этот человек не видел папочки «Крысолов». Может быть, он вообще не подозревал, что у генерала Рыжова есть свой личный архив?.. Так сказать, для домашних нужд... Дьявол!

Где-то внутри, в животе, затрепыхался противный холодок. Это не просто плохо. Это уже по-настоящему паршиво. Одно дело, деловитый бык. Это плохо, но терпимо. Но тупой бык?.. Совсем тупой, но ужасно деятельный бычара... Ужас.

– Я не спрашиваю вашего согласия, – сказал Рубаков. – Вы будете помогать нам в любом случае. Либо вы приедете в наш исследовательский центр сами, и будете сотрудничать с нашим научным отделом. Либо научный отдел будет работать с вами. Вы понимаете меня, да? – Рубаков улыбнулся. Видно, думал, что иначе его тонкую иронию не уловят. – Мне кажется, последнее ни в ваших, ни в моих интересах. Я не садист, мне не нужно, чтобы у вас были трудности. Мне нужен результат. Чтобы к началу лета ситуация с мутантами была под контролем. Вы меня понимаете?

– Более чем, – мрачно сказал Стас.

– Замечательно! – Рубаков поднялся. – В конце концов, вы ведь не только Крысолов. Вы же и россиянин. Обычный человек. Вы же и сами должны желать избавить пригороды от ужасов нашествия. Я прав?

Н-да... Может быть, он даже верит во все это – и это самое страшное в таких людях. У них в голове отдельно мутанты – и отдельно военные лаборатории, из которых эти крысы взялись. Еще где-то отдельно старания на благо родины и гордая память, что они россияне. Отдельно уверенность, что сильной стране нужна великая армия и настоящее оружие...

Забавно... если бы ты не зависел от этих людей. А самое грустное, что разубеждать их бесполезно. Он выслушает все, что ты ему скажешь, будет кивать, и глядя в его глаза будет казаться, что он правда понимает. Все понял. Но когда ты кончишь, он скажет: «Да, вы совершенно правы. Итак, вы согласны сотрудничать с нами?»

Переубедить таких людей невозможно. А может быть, он даже не станет слушать. А оставит одну машину у входа, а через пару часов приедет его человечек с ордером на арест. Да вон хоть тот Пронин. Ведь может быть и так.

И честно говоря, проверять совсем не хочется.

– Да, – сказал Стас. – Вы совершенно правы. Абсолютно!

Заставил себя встряхнуться – внутренне напрягся, вызвав прилив энергичности. Резко встал и упругим шагом подошел к генералу. Рубаков нахмурился, а Стас взял его за руку и крепко пожал, даже чуть потряс ее.

– Черт возьми... Я знал! Еще когда голосовал за нашего господина президента, я сразу понял, что этот человек займется делом.

Эх, надо было собаку завести... Какую-нибудь здоровую псину. Лабрадора или кавказку. Притащить сюда, в этот кабинет, и чтобы сидела рядом с креслом и крутила своей мощной мордой, не спуская глаз с гостя. Быки обычно обожают собак, особенно крупных. Правда, больше любят не добродушных лабрадоров или самоуверенных кавказок – а служебных, с более выраженным инстинктом субординации. Стайным инстинктом, если без красивых слов.

Сидела бы и внушала доверие. Если уж у этого Крысолова такая хорошая собака – то, значит, и сам он тоже парень надежный и обязательный, и верить ему можно, верно?

Ладно, теперь-то уж что...

– Я рад, – сказал Стас. – Честно говоря, я даже не надеялся, что доживу до момента, когда у нас к власти придут не говоруны, а люди дела. И теперь я рад. Даже не тому, что в вашем министерстве наконец-то разгонят продажных чинуш. Черт с ними... Главное, наконец что-то начнут делать.

– Значит, вы нам поможете? – в глазах Рубакова появился одобрительный огонек.

– Через три дня, – сказал Стас.

По лицу Рубакова опять пробежала тень, он уже было открыл рот, – но Стас не дал ему заговорить:

– Мне нужно привести в порядок дела. Чтобы потом ни на что не отвлекаться. Я не люблю делать что-то для галочки. Если делать, так делать. Через три дня я буду целиком в вашем распоряжении.

Никогда не надо просить времени на раздумья у таких людей. Они дадут мало времени, и сделают все, чтобы отрицательный ответ выветрился из головы уговариваемого. Лучше назначить время самому. Если повезет, будет шанс улизнуть. Если повезет...

Рубаков покивал.

– Я понимаю. Только три дня... многовато... Ладно! Три дня, так три дня. Я тоже люблю делать что-то одно, но уж делать так, чтобы кровь из носа. Я вижу, мы сработаемся. Если будут какие-то проблемы с вашими... м-м... коллегами, то обращайтесь прямо ко мне, мы все уладим по нашим каналам. Не затягивайте с подбивкой дел.

– Проблем не будет, – сказал Стас. – К кому мне обратиться, когда я разберусь с делами?

– Прямо ко мне. Вот мой телефон.

Рубаков достал из кармана пиджака бумажный прямоугольник. Не полноценную визитку, а просто принтерную распечатку на плотной бумаге. Ох уж эти трудоголики...

– Я постараюсь разгрестись поскорее, – сказал Стас.

Рубаков покивал. Одернул плащ.

– Знаете, сначала я думал, что разговор у нас не получится. Я рад, что ошибся... Стас Викторович.

Он протянул руку. Стас опять пожал ее. Опять крепко. На этот раз Рубаков ответил, тоже крепко.

– Всего хорошего.

– Всего наилучшего, – сказал Стас.

– Не нужно, не провожайте... Не люблю всех этих церемоний.

Рубаков быстро вышел, по лестнице застучали его шаги.

Стас кисло сморщился, прислушиваясь. Дурак он, конечно. Трудолюбивый, но одного желания мало, чтобы сделать что-то полезное. Может быть, деятельный дурак даже куда хуже, чем дурак ленивый. Благими намереньями...

Эх... Вроде, все верно, все правильно – и все равно, противно это все. Юлить и врать. Противно. Но никуда не деться. Как толчок мыть: и нужно, конечно, – а все равно противно...

Когда снизу зажужжали моторы двери, а потом разнесся тихий, мелодичный и успокаивающий перезвон – компьютерной система, управлявшая домом, оповещала, что теперь все в порядке, – Стас поднялся на пятый этаж.

Вставил ключ, повернул на оборот, толкнул дверь...

Стас нахмурился, еще раз дернул дверь. Снова повернул ключ на оборот, обратно... Дверь стояла, как влитая. Неужели замок сломался?.. Вот так кстати.

Обычно он этим замком не пользовался. За глаза хватало электронных на входе в дом. И если бы сейчас в квартире не было Серого, – любопытного Серого, которому вовсе не обязательно было попадаться на глаза гостям, да еще таким, – то еще бы бог знает сколько времени не пользовался... и вот теперь попробуй открой.

Немецкое качество, называется! Еще хорошо, что сейчас сломался, а не когда каждый миг дорог. Вот уж влип бы, так влип.

А все-таки, что теперь делать-то? Есть возле генератора какие-то инструменты?

Нет, кажется. Сам же и перетащил в квартиру, чтоб не валялись под ногами...

Стас, уже безнадежно, покрутил ключ в замке... и почувствовал, что дверь под пальцами дрогнула. Будто открылась.

Стас потянул. Дверь послушно подалась.

Та-ак... Что еще за дела? Глядя на язычки замка, Стас покрутил ключом. Ага. Оказывается, в этом замке не три оборота, а четыре. Сколько пользовался, был уверен, что три – и вот поди ж ты! Четыре. А так – все прекрасно работает. Просто замок почему-то оказался закрыт до упора, на четыре оборота. А когда уходил, то закрывал на три. Кажется...

Или все-таки на четыре? Нет, точно на три... Или все-таки...

Стас помотал головой, отгоняя эти дурацкие мысли. Черт знает что в голове! Нет, ребята. Паршиво это, когда будит звонок. Последнее дело так начинать день. Все сразу валится из рук, и в раздумьях над досадной мелочью, совершенно не важной, можно убить полчаса – когда есть беды и покрупнее!

Из гостиной выглянул Серый.

– Ыва?

– Ыва, ыва, – пробормотал Стас, разглядывая его ручонки.

Слишком тонко развитые для обезьяны ручонки, вообще-то.

Может, это он замок крутил? Поднялся на цыпочки, дотянулся, и стал подражать царю природы. Хорошо, что еще стопор на замке не задвинул. А то ведь и не открыть было бы. И соседей – квартала на три точно ни души. Пришлось бы ехать в пригороды за слесарем. В тапочках и халате...

Стас присел, взял Серого за руку. Ну да, так и есть... Просто пианист, а не шимпанзе. Можно еще проверить, конечно, для полной точности, по каталогу разрешенных генетических модификаций, но... Скорее всего, сдать в приют этого шерстяного паразита не получится.

Без генного вмешательства, и приличного, здесь не обошлось. Конечно, трудно назвать эту шерстяную зверюшку генетическим оружием, но закон есть закон. Не возьмут такого в приют для диких животных, отправят в спец-питомник. Да еще и самого затаскают: где это вы, дорогой гражданин, такого зверя откопали? Час от часу не легче...

Серый улыбнулся, показав свои здоровенные зубы. Сунул палец в рот и потребовал:

– Ыва!

– Жрать хочешь... – пробурчал Стас. Вдохнул. – И этот туда же... Всем что-то надо. И все требуют, и преимущественно нахрапом... Ладно, пошли есть, шерстяной.

Продукты кончались, пора было ехать в пригороды за покупками.

Поглядывая на Серого, суетливо путающегося под ногами и нетерпеливо ыва-ывающего, Стас порезал на части оставшиеся две пшеничных булочки. Настругал поверх тонких чешуек масла, положил на каждую половинку по ломтику сыра.

Усадил Серого за столик у окна и перенес туда блюдо с булочками.

– Ыва! – оживился Серый.

– Ыва, ыва...

Стас отбил лапки, потянувшиеся заграбастать все четыре бутерброда. Показал, как надо брать бутерброд, чтобы масло и сыр не полетели на пол. Откусил.

– Ыва? – сказал Стас, жуя.

Серый ухнул, покивал головой и схватился за предложенный бутерброд. В один укус отхватил половину. Пока в голове кружились раздумья, стоит ли поить его кофе – и так он бодрый, и даже более чем, куда еще бодрее-то? – Серый доел первый бутерброд и схватил второй.

Нет, водой обойдется. Стас налил ему стакан воды. Интересно, из стакана пить он умеет? Вроде бы, должен, хозяева у него были не из бедных – ошейник дорогой. Да и сам он тоже недешевый, если с генными изменениями... Биологическое оружие, рыбьим хвостом его по маковке...

Серый, изо всех сил работая челюстями, схватил третий бутерброд.

– А не треснет?..

Стас с опаской поглядывал на раздувшийся маленький животик. Не с собакой же его скрещивали, в самом деле... Откуда такой аппетит? Вчера целый вечер жрал, и опять давится...

Так можно и голодным остаться. На всякий случай Стас переставил блюдо с оставшимся бутербродом на холодильник, так, чтобы точно не достал, – хлеба в доме больше не было. Высыпал в турку ложку кофе, отмерил чашкой воды.

Серый, дожевывая, поглядел на холодильник, на Стаса... Отрыгнул, взялся за стакан и со скворчанием высосал всю воду, словно сливал ее не в глотку, а водосток раковины. Стал облизывать пальцы, красноречиво косясь на краешек тарелки на холодильнике.

– Перебьешься, – сказал Стас.

Помешал кофе в турке, бросил в чашку пару кубиков рафинада.

За окном лежал город – тихий, безжизненный. Ни единой машины. Просто прелесть. Ни людей, ни суеты, ни шума... Чуть позже, когда весна вступит в свои права, можно будет открыть окно – и слушать, как голоса зяблики в кустах вокруг пруда.

Здесь, внутри Садового, почти никто не живет. Может быть, десяток человек. По крайней мере, в ближайших кварталах точно никого – ночами вокруг ни одного огонька. Совсем никого. Конечно, если не считать крыс и прочих мутантов.

Вот в паре кварталов на север, по ту сторону кольца, по которому лениво ползают танки патрулей, уже начинается жизнь. Сначала только в больших, хороших домах.

Крыс и там еще было более чем достаточно, так что живут сразу за кольцом только толстосумы. Те, что двадцать лет назад, когда нашествие крыс на город только началось, и цены на недвижимость резко поползли вниз, скупали тут все кварталами, уверенные, что чем хуже, тем лучше, надо ковать железо, пока паника не сошла на нет. Свято веруя, что уж в Москве-то порядок наведут. Что перед ближайшими же выборами президента доблестных спецназовцев погонят по подземной Москве ворошить крысиные норки. И пике сменится бумом, когда дураки вернутся к брошенному жилью, до небес цены взлетят.

Разворошили спецназовцы норки, ох, разворошили...

Тогда и до спекулянтов дошло. Наперегонки сбрасывали, что накупили – чтобы хоть что-то вернуть, уже счастье. Но некоторые не сдались. Ни тогда, сразу после первого «рейда», ни потом. Как-то тянули все, год за годом, а потом и привыкли. Превратили свои дома в крепости,

завели постоянную охрану. Остались из принципа. Вроде как – их собственность, верно? Вот и будет их и дальше, хоть небо развернись. А может, просто до сих пор не могут смириться, что деньги, и немалые, выбросили на ветер...

Дальше от центра, в бывших спальных районах, уже настоящая жизнь – если это можно так назвать. Все эти южные беженцы... Их там много, очень много. А где люди, там и съедобные отходы... это не считая самого человеческого мяса. Там крысы лютуют. Но бежавшим от войны достаточно и того, что есть крыша над головой. В конце концов, крысы – это не двухсотмиллиметровые бомбы и радиоактивная пыль.

Да и надеются они. Человек всегда надеется... Вот и эти бедолаги. Живут верой, что рано или поздно подкопят денег и переберутся в ближние пригороды. Туда, где улицы патрулируют не вертолеты на бреющем полете, а обычные ребята с автоматами. Где новых подземных коммуникаций не роют, а старые все замурованы, где трубы канализации, водоснабжения и электрические кабели – идут высоко над землей, под трассами монорельсов. А там, глядишь, и до дальних пригородов дело дойдет...

Но здесь, в самом центре старого города, жить можно – если умеешь уживаться с крысами.

Два года уже... Привык.

А теперь, похоже, придется куда-то перебираться.

Только куда? Питер? Екатеринбург? Новосибирск? Во всех крупных городах водятся модифицированные крысы, но потеснить людей всерьез, а тем более начисто выдавить из центра – такое только в Москве.

В других городах крысоловы не будут в той же цене, что здесь... Да и не спасет переезд в другой город от гэбушников. Эти вездесущи, как тараканы...

И ведь это еще половина дела. Меньшая.

Потому что еще есть Арни, которому так легко в другом городе не затеряться...

Тогда что?

В принципе, можно рискнуть – и остаться. Просто затаиться. До осени. Потому что ничего у этого Рубакова не выйдет, конечно же. Не может выйти. Когда после рейдов в центр города, а особенно после штурмов Кремля, которые опять будут безуспешными, – когда после всего этого пойдут десятками цинковые гробы, но крысы все равно обрушатся на пригороды, – полетят, ох, полетят головы в Комитете Генетической Безопасности.

И неопытный в подковерных битвах Рубаков окажется крайним. Опытные тыловые крысы повесят на него, упрямого и прямолинейного быка, всех дохлых собак. А на его место назначат опять какого-то хитрого лиса, вроде того, каким был Рыжов...

И все станет по-прежнему. И можно будет вынырнуть. И может быть, если очень повезет, жить даже станет легче. Если за это время домашний архив Рыжова так и не всплывет... Может быть, Крысолова даже перестанут доить.

Но это все – если удастся затаиться. И если Рубакова к концу лета снимут. И если после его снятия личный архив Рыжова не попадет в руки какого-то тупого служаки, который продолжит линию Рубакова. Если, если, если... Одни «если».

Да и на полгода залечь на дно не так-то просто – здесь, в Москве, под носом у головного офиса КГБ, расположенного в северо-восточном пригороде в каких-то шестидесяти километрах отсюда.

– Ъва! – потребовал Серый, протягивая лапы к турке с закипающим кофе. Его широкие ноздри ходили ходуном.

– Что, кофе любишь?

Только нельзя ведь ему горячее. Обожжется с непривычки. Или прежний хозяин приучил его к обжигающему, только закипевшему крепкому кофе?..

Нет, лучше не рисковать. Стас отбил шаловливые ручонки, тянувшиеся к турке, ногой отстранил Серого от плиты. Отлил в стакан чуть-чуть кофе, бросил туда кубик рафинада, размешал, добавил холодной воды.

– На, прорва.

Серый вырвал стакан и припал, опять заскворчало...

Ладно, не надо паниковать. Надо действовать. А прежде всего – сесть и все спокойно обдумать. Все. До мелочей. Не спеша.

Кое-какие отходные пути есть... Никто ведь и не ждал, что все будет безоблачно, верно? Так что запасные пути, конечно, есть...

Только сначала надо как-то выбраться отсюда. Едва ли ребята Рубакова оставили дом без слежки. Людей оставлять не решились, наверно – все же тут полно крыс, – а вот пару-тройку камер наблюдения...

И придется честно изображать суету и хлопоты. Иначе не поверят, что Крысолов занялся подбивкой дел. И пришлют ребят с ордером. Отвезут в их научный центр. А там...

Чертов тупой бык! Если Рубаков в самом деле ничего не знает, не видел папочку «Крысолов» ни одним глазком и даже не догадывается о ее содержимом... Стас поежился. С них ведь станется. Ведь возьмут да и начнут на полном серьезе выяснять, как же именно он, Крысолов, с крысами совладает?

И что тогда? Даже если рассказать им правду, едва ли поверят...

Стас вздохнул. Забавная штука жизнь. Сначала ты полжизни работаешь ни имидж, и думаешь, что имидж будет кормить тебя оставшиеся полжизни. И так и получается. Беда лишь в том, что иногда от имиджа не помешало бы избавиться – но...

И вот тут и начинается самое интересное. Потому что даже если честно рассказать им всю правду, до последнего карата, – будет только хуже. Не поверят. Будут искать дудочку крысолова. Сначала дом перевернут, куда же без этого. А потом и самого на образцы и вытяжки пустят.

Похоронят в формалине. По кусочкам...

Стас залпом проглотил кофе, не почувствовав вкуса. Есть расхотелось.

Серый уже утонул в комнату и, судя по звуку, что-то опять исследовал. Что-то твердое и не сразу поддающееся пытливому обезьяньему уму...

Ладно! Нечего сидеть. Надо дела делать. Три дня на все про все. Значит, надо: выбраться из дома, чтобы создать видимость дел. Затем все обдумать. Ну, это легко. В машине, гоня по пустым улицам, думается просто замечательно.

Но сперва – разобраться со скрытыми камерами, которые они могли разбросать вокруг дома. И себя обезопасить, и вообще... Нечего серьезных людей светить. Мало ли, кто может приехать и попасть под эти камеры. Тогда уж точно не получится выбраться из города-пригорода целым и невредимым...

Самому найти и незаметно убрать камеры не получится, конечно. И искать долго и непонятно где, да и когда найдешь – что? Ой, не поймет Рубаков, когда тонущий в делах Крысолов пойдет со сканером ловить его камеры, медленно и терпеливо обшаривая все соседние дома... На тех самых камерах это все будет замечательно видно.

Стас заглянул в гостиную. Серый пытался разобраться с тренажером. Замечательно. Это он долго будет ломать. Стас сунул в рот кусочек мятной жвачки и тихо выскользнул из квартиры, стараясь не отвлечь шимпанзе.

Чем бы малыш ни тешился, лишь бы замки не закрывал.

На каждом этаже когда-то помещались по две квартиры.

Теперь левая квартира на первом этаже была переоборудована под генератор и котельную. Централизованного электроснабжения и водопровода в центре города больше не было. Да и на окраинах, если честно, чистая вода шла только по бумагам. А в реальности по ржавым трубам шла тухловатая вода вперемешку с крысиным дерьмом и трупиками захлебнувшихся крысят...

Квартира справа была прикрыта простенькой дверью, с хлипким замком. Плечом вышибить можно. Но за этой дверью была еще одна. Большая и стальная, с тяжелым металлическим засовом. Стас взял из шкафа рядом с дверью пару пакетов с сухим кормом для кошек, отодвинул засов, толкнул дверь и вошел. Нашупал на стене выключатель.

Забрезжил красноватый свет – крысы не любят сильного света.

Воняло прилично. Хоть убирайся, хоть не убирайся. Тем более что западные автоуборщики почему-то ломались со страшной силой на крысином дерьме и шерсти. А может, виноват был изгрызенный пол... Черт его знает.

Стас свистнул. Из конур показались серые морды. Длинные, с шикарными усами. Вообще, если привыкнуть – то даже красивые они, эти модифицированные крысы. И уж в любом случае куда умнее разных комнатных котиков-кастратиков.

Лобастый – этот и правда с высоким и широким, таким благородным лбом. Бело-снежка – с красными, словно обмазанным клюквенным вареньем, глазками альбиноса. Рыжик, Ушастик, Скалолазка. Все в сборе.

Лично дрессировал каждого. Убил полгода – но зато теперь им цены не было. В одном военные генетики своего добились: зверюги получились умнейшие. Особенно если знать, что на геномном уровне им внедрена способность обучаться языку жестов, плюс разбирать устные команды...

И все же главное, конечно, это не объяснить им, что от них требуется. Это может сделать и совершенно посторонний человек, которого крысы увидят в первый раз, лишь бы знал командный язык, на который они натасканы. Но объяснить – не значит заставить сделать...

Самое главное – это было приучить их выполнять, что ты хочешь. А для начала, приучить к себе. Пришлось выращивать с первого дня. Через соску молоком выкармливал...

Стас рассыпал два пакета по мискам. Подождал, пока тварюги перекусят и, сыто зевая, усядутся в рядочек, игриво молотя хвостами по изгрызенному паркету.

Раздал приказы, сдвинул тяжелую стальную плиту на полу.

Цепочкой, слаженно и целеустремленно, как десантники в люк самолета, крысы сигали в подвал. Через дыры в его стенах есть выход в сеть бывших городских коммуникаций, а через них и ко всем подземельям старого города. В Москву подземную, крысиное царство...

– Посиди-ка, – сказал Стас.

Вынул карточку зажигания из панели, оглядел салон. Вроде, ничего такого, что бы этот паразит мог сломать.

Вылез из машины, захлопнул дверцу и поставил на сигнализацию. Щелкнули запоры. Будем надеяться, что разблокировать замки этот шерстяной паразит не умеет.

Стас поднял голову, принюхался. Пахло весной и крысиным дерьмом. Впереди чернел провал подъезда. Западная сторона дома, сейчас здесь лежала резкая тень, еще более темная из-за куда более нового дома справа, с хорошо сохранившимся фасадом. Белизна била в глаза, словно фасад только что отделали, – что ему станет, если вскоре после того, как этот дом отстроили, смог в Москве перевелся, и лишь дождь бережно омывал керамическую облицовку?

Провал подъезда совсем черный, ни черта не видно. Стас расстегнул плащ, вытащил «хеки» и снял с предохранителей. На стенах вспыхнули два оранжевых огонька.

Втянул побольше воздуха – там, внутри, весны будет куда меньше, а вот крысиного дерьма куда больше – и вошел в темноту. Поднялся по короткой лестнице, повернул направо, к лестничным пролетам. Глаза привыкали к сумраку, но медленно. А медлить здесь не следовало.

В темноте показалась призрачная, едва светлеющая полоска. Так, это ободранные до железа перила. За ними проем лестницы, ведущий вверх. А надо за нее. Значит, четыре-пять шагов. Осторожно, медленно, пробуя ногой путь – чтобы не загреметь кубарем вниз.

Когда бетонная плита под ногой кончилась, Стас закрыл глаза – все равно от них никакого толку – и пошел вниз, считая ступеньки.

Когда-то давным-давно, когда страшнее всего были бомбы, в этом доме было сделано бомбоубежище. Полтора года назад общественное бомбоубежище превратилось в личный схрон.

Второй пролет кончился, пошел третий... Десять ступенек, одиннадцать... Все, пришли. Стас открыл глаза, – но это не помогло. Здесь было совсем темно. Даже призрачных теней не угадывалось. Значит, придется по памяти.

Стас повернулся, шагнул в сторону, выставив руку с пистолетом. Еще шаг, еще... Дуло «хека» уперлось во что-то мягкое. Первая дверь, с рваной обивкой из кожзаменителя, из-под которой клоками вылез какой-то уплотнитель. За ней будет небольшой тамбур, затем уже основной вход. Стас нащупал ручку и потянул на себя – дверь должна быть открыта.

Дверь легко подалась. Стас чуть приоткрыл ее, принюхался. От стен тянуло сыростью, – снег, через разбитые окна наполнявший дом зимой, начал таять и стекал по лестнице сюда. И все время, когда мороз отступал, десять месяцев в году, здесь было сыро – и еще этот запах. Мерзкий запах гниющих бетонных джунглей... Но крысиного запаха, вроде бы, нет. Это хорошо.

Стас скользнул в щель, нащупал замок. Замок на двери был. Просто когда уходишь, внешнюю дверь надо оставлять открытой. Открытую дверь крысы прогрызать не станут, и она останется целая.

А это важно. Обезопасить себя с тыла, пока возишься с основной дверью – это не мешает. Твари-то хитрые. Если не напали сразу, это отнюдь не значит, что их тут нет.

Стас до упора закрыл замок, шагнул вперед. Еще шаг... Дуло «хека» глухо стукнулось в что-то металлическое – и большое, судя по очень медленно затихающему звону, звук все гулял и гулял по большому куску металла, не желая умирать. Дверь массивная, как переборка подводной лодки. И так же затягивается штурвалами.

Стас нащупал навесной ящик по центру двери – чехол над штурвалом, закрывавшим дверь. Отпер навесной замок, со скрипом распахнул жестяную дверцу чехла. Убрал пистолеты и взялся за штурвал. Надо сделать два полных оборота и еще четверть – чертовски трудных оборота. У штурвала очень тяжелый ход. Хоть смазывай, хоть не смазывай. Ржавый уже, менять надо.

Но как – менять? Для этого надо всю дверь распотрошить. Нужны профи с автогенном... то есть обычные трудяги из пригородов, которым сколько ни заплати, все равно будут чесать языками. Вызвать их – самый верный способ раскрыться. Стальных дел мастера, которых Крысолов таскал в самый центр города. Это такой повод для слухов, что проще сразу вывесить над тем подъездом вывеску, что тут у Крысолова схрон. Можно с ночной подсветкой...

Ладно, уже почти перебороли. Восемь тяг, каждая на четверть оборота – два оборота есть. Осталось еще одно усилие, последнее... Стас напрягся, еще раз провернул штурвал. Есть! Дверь под руками едва дрогнула. Открылась.

Стас потянул на себя дверь – и закашлялся. Носоглотку обожгло едким смрадом.

Не переставая кашлять, Стас выматерился. Долго, со вкусом и от души. Твари четырехзубые! Даже в темноте было ясно, что тут. Нос драло от вони крысиного дерьма – лежавшего давно и в большом количестве, аж глаза резало.

Но зайти все же не помешает. Может быть, парочка еще ужинает? Хоть немного душу отвести!

Стас потянулся вправо, нащупал ключ генератора. Когда дизель заурчал и вышел на обороты, щелкнул выключателем на стене. С тихим звоном вдаль по проходу побежали вспыхивать лампы.

Коридор, ведущий далеко под дом, был пуст. Никто не бегал. Лишь кучки дерьма вдоль стен. Стас пошел вперед, заглядывая в комнаты по сторонам – тоже пустые. До самого поворота коридора, где в угловой комнате был склад.

Был. Именно что был. От запасов, которые можно было растянуть на год – одних консервов полтонны! – остались лишь мятые коробки и целлофановые обрывки. Даже воду выпили, сволочи! Пол склада напоминал металлопротяжный цех: повсюду пустые банки из-под консервов, как барабаны конвейера, растянувшегося на всю комнату.

Нынешние московские крысы, прадедушек и прабабушек которых вывели в военных лабораториях пару десятилетий назад – размером больше иной болонки. Эти открывают консервы легко и даже, пожалуй, не без некоторого изящества. Повалившись на бок, зажимают банку передними лапами, а задними тянут за кольцо на крышке.

Эх, надо было брать жестянки старые – советского типа. Кондовые, цельные... Хотя нет, и это не помогло бы. Эти твари прогрызают стальные двери в несколько миллиметров – из чистого любопытства, взлелеянного в их генах военными биоинженерами. Что для таких прогрызть тонкую жестянку? За которой, к тому же, не призрачные тайны – а вполне материальные мясо или фрукты. Раз плюнуть. Это не те милые допотопные хомячки, которые и до килограмма не дотягивали...

Только как же они залезли сюда, сволочи? Дверь-то целая. Та дверь – пять сантиметров сплошной стали, а за ними еще слоеный пирог из стальных листов и уплотнителя! – даже этим тварям не по зубам, потому и схрон именно здесь.

В стене возле двери дыр тоже нет – в тамбуре же не было этой вони.

Тогда как? Как они сюда попали?

Стас пошел по убежищу, заглядывая в комнаты и наливаясь дурной кровью. Крысолов, у которого завелись крысы. Да не где-нибудь, а в личном схроне! И выжрали все запасы. Непревзойденный специалист, твою мать...

Стас остановился.

Ну да, конечно. Единственный путь, кроме двери. Сетка-фильтр на воздуховоде превратилась в стальной цветок. В середине сетку прогрызли, а потом ее концы разогнули-расплели во все стороны. То ли грызть надоело, то ли специально так сделали, чтобы не царапаться, протискиваясь туда-сюда. Сообразительные, твари, в этом им не откажешь.

На полу, прямо под воздуховодом, стояла миска с синим желе. Единственное нетронутое во всем бункере. Стас от души пнул ее. Миска ударилась о бетонную стену и укатилась в коридор, позвякивая, с чавканьем выплевывая из себя куски синего желе.

В принципе, особых запахов от пищи не должно было быть – лично же протирал все консервы, даже запаковал всю крупу в вакуумные пакеты! – но для полной гарантии все же поставил эту вот ароматическую массу. Медленно испаряясь, она должна была отпугивать тварей, если они случайно наткнутся на другой конец воздуховода.

Раньше этот состав так и действовал. Отпугивал, причем безотказно.

Ключевое слово – раньше. С каждым сезоном умнеют...

Серый был в машине, никуда не убежал. Но явно старался. Встав на водительском сиденье, он дергал ручку, пытаясь открыть дверь.

Заметив Стаса, замер. Улыбнулся, показав свои здоровенные зубы, и тихонько, бочком, перебрался на правое сиденье, сел. И лапки сложил на коленях. Тихоня, да и только.

Стас отключил сигнализацию. Когда запоры на дверцах щелкнули, поднявшись, Серый покосился на запор своей дверцы – но тут же отвел взгляд и опять уставился прямо перед собой.

– Ишь, затих...

Стас сунул карточку в панель управления, но мотор не включил. Куда ехать-то?

Запасы в схроне, положим, можно обновить. Но если стая крыс нашла путь сюда и несколько недель пиновала, в полном покое и уюте – пока снаружи мел ветер с ледяной крупкой, и ни кусочка пищи... Такое место они нескоро забудут.

Значит, будут наведываться и впредь. Регулярно. И теперь простой защитой не отделаться. Наткнувшись на залатанные дыры, но помня, какой праздник был за ними в прошлый раз, крысы не отступят. Новая сетка в воздуховоде, да даже две, их не остановят, лишь раззадорят.

А на серьезные меры нет времени. Со схроном нельзя возиться слишком активно, надо все делать по мелочам – чтобы схрон остался схроном. Когда начнут искать, любая мелочь может выдать, спешка в таких делах непростительна. Но времени-то всего три дня! Это в лучшем случае. Нет, с серьезным переоборудованием схрона никак не успеть.

Получается, запасного плацдарма нет...

И что теперь?

В принципе, есть еще Живодер... За последние полтора года неплохо сработались, вроде бы. Он не так чтобы рубаха-парень, но должен помочь. Не только он морфами торгует, и ему нужны козыри перед конкурентами. Вроде абсолютно надежного места передачи товара, где можно не опасаться ни засад, ни гбэшников. Это ему нужно. А значит, нужен и Крысолов...

Так что помочь-то он, наверно, поможет. Но... Стас поморщился. Неприятно это, просить одолжений. Зависеть от чьего-то благорасположения. Тем более что Живодер – тот еще благодетель... Дело даже не в ответных реверансах, без которых не обойдется. Дело в самом принципе. Быть самому по себе – или зависеть от кого-то.

Но тут уж выбирать не приходится...

– Ыпа-ыпа-от? – Серый с любопытством разглядывал Стаса.

– Чего?

– Ыпа-ыпа-от? – Серый указал лапкой в окно, в сторону темного провала подъезда. И улыбнулся, показав свои здоровенные зубищи.

– Не знаю, шерстяной, чему ты радуешься, – сказал Стас. – Там было столько ыва-ыва, что даже тебе на месяц хватило бы... А теперь придется к Живодеру на поклон идти...

Стас вздохнул и достал телефон.

И две серые лапки тут же метнулись к нему:

– Ыпа! Ыпа!

Стас отдернул руку с мобильником, поднял его повыше.

– А вот и не ыпа. Обойдешься. Хотя...

Может быть, Живодеру сейчас звонить и не стоит.

Через два дня опять надо будет препроводить его на площадь для очередной сделки. Тогда лучше и переговорить. Как бы между прочим. Как о крошечной мелочи.

А то когда просьбы о помощи идут главным блюдом, сразу ощущение, что речь не о мелком одолжении, а вопрос жизни и смерти. Некуда пацану деваться, и сейчас из него можно

веревки вить, и пожестче выкручивать, пожестче, не промелочить с условиями... И уж Живодер-то не промелочит, нет.

Или, еще хуже, вдруг решит, что раз Крысолову требуется серьезная помощь, дело запахло паленым. И лучше подрубить все концы, от греха подальше, чтобы Крысолов не утащил на дно вместе с собой... Это Живодер тоже может. И еще повезет, если концы просто подрубят, а не зачистят...

Значит, решено. Не сейчас, а послезавтра. Живодер притащит список встреч на следующий месяц. Сам будет немножко просителем. И вот тогда-то и заведем разговор – может, сделать вид, что захотелось в пригороде пожить? Просто вот блажь в голову ударила, тишина и запустение поднадоели...

Да, лучше так. А пока заняться тем, что сделать надо сейчас.

Стас убрал мобильник. Серый, следивший за трубкой, как кот за мышью, мрачно поглядел на него. Потом отвернулся, заерзал, заерзал... Попытался свернуться клубочком, но сиденье было слишком мало для этого.

– Спать хочешь?

Серый душераздирающе зевнул, рискуя вывернуть челюсть.

– Ты же только три часа назад проснулся! Сурок обжорливый...

Стас поднял Серого и переложил на заднее сиденье. Стянул с себя плащ, набросил на шимпанзе. Серый снова заерзал, пока не закутался, даже на морду натянул. И мигом отрубился. Лишь едва слышно сладко посапывал.

Вот ведь зараза шерстяная! Никаких ему проблем. Поели, можно и поспать. Поспит, можно будет и поесть. Не жизнь, а сказка. А тут вертись, как щука в сети...

Стас покачал головой и завел мотор.

У выезда на Садовое стоял вездеход. Он всегда здесь стоял, иногда даже катался, когда соляру подвозили. Башенка оцетинилась пулеметами. Мелкокалиберные, но много – целых пять дул, спаренных перетяжками. Против крыс самое то.

Стас остановился возле блокпоста, этакой пародии на замок, сложенной из тяжелых бетонных блоков. Из форпоста цивилизации выглянул молоденький солдатик и тут же скрылся обратно.

Выглянул сержант. Кивнул Стасу, в пару затяжек докурил сигарету, старательно затушил ее носком кросовки – самой обычной, гражданской кроссовки с распущенными шнурками.

Форменные «чушки» – кирзачи, обшитые стальными пластинами, – стояли рядочком вдоль стены блокпоста. Пять пар. Конечно, никто в этих полупудовых гирях здесь не ходил. Только когда начальство приезжает.

То самое начальство, которое и облагодетельствовало их этими гирями три года назад, после очередных ток-шоу, где журналисты с похоронными лицами – и тщательно скрываемым, но все же прорывающимся блеском в глазах, – расписывали про битвы с клыкастыми тварями, эту ужасную топку, куда бросают совсем неопытных ребят, и даже без необходимого снаряжения... С тех пор любые журналисты, даже старые военкоры, на блокпосты ездили исключительно под присмотром особистов. А то были прецеденты...

Бегать в этих чушках невозможно, а как защита... когда крысы бросаются на человека, они бросаются в глотку.

Сержант забрался в машину, повеяло табаком.

– Привет, Крысолов.

Сержант сунул руки в карманы телогрейки и уставился куда-то сквозь лобовое стекло: на дугу моста, на дорогу, пустую до самого горизонта – если не считать вездехода у следующего блокпоста.

– Все нормально? – спросил Стас. – Крысы не лезли?

– Не лезли. У нас – не лезли. У соседей двоих обглодали. Два новеньких, придурки. Поперлись за кольцо антиквариатом разжиться. Два раза сходили – нормально, да все одним путем... Откуда их таких берут, а? И третий раз пошли. Опять через ту же улицу... Затарились, уже обратно шли, у самой бетонки их стерегли. Целая стая. Утром, на пересменке, вещи заметили – всего-то в сотне метров валялись... – Сержант поглядел на Стаса. – Может, ты бы их тоже того? Заговорил бы их бетонку, а?

Теперь уже Стас старательно рассматривал дорогу впереди. Если бы сержант знал, как именно происходил «заговор» их блокпоста, чтобы крысы к нему не лезли...

– Закон сохранения дерьма в жизни знаешь? Если где убавится, в другом месте только прибавиться может.

Сержант намек понял. И особенно благородствовать не стал. Чем глубже в город, тем своя рубашка ближе к телу...

– Ясенько, – сказал сержант. – Тут, кстати, утром три черных «карата» с гэбушными номерами проезжали, часов в девять. Через часок обратно. Не к тебе?

Стас кивнул.

– Гляжу, растешь над собой... – Сержант хмыкнул. Помолчал, разглядывая дорогу. Достал пачку «Имперских», протянул Стасу.

Стас мотнул головой.

Сержант пожал плечами, закурил.

– У нас тут притормозили. Вышли, стали козырьки гнуть. Это у вас не по уставу, то у вас не по инструкции... Пидоры канцелярские... Это что, новенький, вместо Рыжова?

– Угу.

– И чего он? Опять у них в министерстве весеннее обострение?

Стас кивнул.

– А к тебе он чего? Наехал, что ли? Запрячь хотят?

Стас кивнул.

– Поможешь? – полюбопытствовал сержант.

– Помог бы. Если бы это помогло.

– Ясенько...

У сержанта испарились остатки оптимизма. Он открыл дверцу, выкинул окурочек и захлопнул ее обратно. Помолчал.

– Когда в центр-то полезут? Ближе к лету? Или прямо сейчас и начнут цинкачи клепать?

– Черт его знает... Но похоже, затягивать не станут. Кстати, по поводу вашей бетонки. Когда начнется, заговор действовать будет, но без гарантии.

– Ясенько...

Сержант достал еще одну сигарету, но не закурил, все жевал фильтр. Когда бумага лопнула и посыпался табак, он открыл дверцу и выплюнул сигарету.

– Что за жизнь... Хоть в отставку выписывайся. Двух лет до выслуги не хватает... Вот ведь суки звездастые, опять им охота своих блядей на лазурный берег свозить...

– Я в пригород поеду, привезти чего? – спросил Стас.

Сержант покивал.

– И вот еще что... – сказал Стас. – Если ко мне сегодня-завтра...

– Да не бери в голову, – отмахнулся сержант. – Звякнем, конечно. Номер помню. Ну и минут на десять задержим, живенько разрисуем, как крысы только что косяками ходили...

«Коренной москвич» был от кольца в каких-то пяти кварталах. По внешнюю сторону, разумеется. Местоположение с претензией, не каждый тут просто проехать рискнет, куда уж злачное место держать. Все приличные люди давно в пригороды перебрались, за «москвича», брошенного в лицо, можно и по морде схлопотать. А за коренного уж точно – все равно что потомственным голодранцем окрестили.

Под колесами «Нивы» тихо прозвенели стальные листы – полоса шла по периметру стоянки. Вроде лежачего полицейского, только куда шире, три метра, и сплошь из нержавейки. По ним еще и ток идет. Чтобы крысы не слишком-то лезли погрызть резину с колес посетителей. Три метра даже им не перепрыгнуть. С напряжением не так очевидно, пришлось подбирать опытным путем – чтобы и крыс работало, и по днищу машин не искрило.

Перевалив через этот стальной периметр, Стас заглушил мотор. Серый уже проснулся и опять сидел на переднем сиденье, прижавшись мордой к стеклу. Полчаса сна ему хватило. Опять свежий и живой.

– Посидишь?

– Ыва! – четко отрапортовал Серый и схватился за ручку двери, подергал.

– Опять жрать хочешь?.. Может, у тебя глисты, шерстяной? Или ты других слов не знаешь?

– Гырыга! – возмущенно отозвался Серый, теребя неподатливую ручку.

– Вообще, лучше бы тебе посидеть...

А то начнутся лишние вопросы. И тупые шутки, куда же без этого. Зачем это Крысолову обезьяны понадобились? Неужто подмастерья себе нашел...

Стас вылез из машины, захлопнул дверцу и щелкнул кнопкой сигнализации, закрыв замки.

«Гырыга!» – беззвучно выдали губы Серого из-за стекла.

Ничего, посидишь. Стас пошел по дорожке, покрытой золотистой плиткой. Уж лет пять как положили, а все еще золотистая, с солнечными прожилками. Чистенькая, без единого пятнышка. С шампунем они ее моют, что ли?

Время было еще не ресторанное, посетителей мало – на гостевой стоянке всего-то машин десять, да еще навороченный «харлей»... Стас остановился. Оглянулся. Среди машин, на краю стоянки, был новенький, белоснежный «пежо». Чистенький-чистенький. Со знакомым номером...

То есть не то, чтобы номер совсем уж знакомый, как у машин Живодера, скажем. Но цепляет что-то в подсознании, зудит, как заноза...

Кто-то важный? Не в смысле шишка, а в смысле – человек, с которым может свести судьба. И хорошо, если просто свести. А может и грубо пересечь, столкнуть лбами и интересами.

Да, кажется, кто-то из архива. Еще бы вспомнить, кто...

Стас двинулся было дальше, и тут за спиной щелкнуло. Распахнулась дверца, и ликующий голосочек возвестил:

– Ыва! Ыва!

О, господи! Вот ведь паразит сообразительный. Теперь его даже в машине не оставить, если понадобится...

Стас кивнул швейцару – этот огромный парень лет пять назад задорно улыбался с обложек и плакатов фитнес-клубов – и прошел внутрь. Серый задержал носом и потянул к бару.

– Нет, лапочка, – сказал Стас. – Пока не сюда.

Сначала дела. Не та ситуация, чтобы ставить желудок превыше всего. Не обращая внимания на страстные призывы Серого, Стас двинулся через холл, к занавесу в дальнем углу.

Формально заведение числилось за каким-то европейцем, разбиравшимся в винах и фьюжн-кулинарии. На самом деле все это принадлежало Кеше Прапору.

Главной изюминкой «Москвича» была не ресторация и не девочки мамыши Мани, а звериные бои. В подвале, в клетках-аренах, дрались твари. Морфы, каких в природе никогда не было – и не будет.

Не потому, что они были бы там нежизнеспособны. Напротив. Эти гораздо лучше любых природных прототипов. Но именно поэтому-то, предоставленные самим себе, твари плодились бы и размножались, заполняя все – и ничем не сдерживаемые в естественной среде. И, поколение за поколением, их отъюстированный в лабораториях генотип разлагивался бы и деградировал, пока, наконец – через десять поколений? двадцать? – не скатится к уровню минимальной приспособленности. Той грани, на которой и существуют все природные твари, чьи генотипы не собираются в лабораториях, а формируются естественным отбором – тем еще халтурщиком и лентяем.

За занавесом из нанизанных на нити глиняных фигурок уходила вниз винтовая лестница. Сразу за ней еще один охранник – опять кровь с молоком, и опять во фраке с бабочкой.

Быстрый взгляд на Серого – оценивающий, как рентген. Вежливый кивок. Можно.

– Привет, Крысолов. Пришел заговор обновить, или к шефу?

– К шефу...

Если обновлять «заговор» и требовалось, то не здесь. Будет держаться столько, сколько нужно. Но охраннику – как и самому Прапору, как и всем прочим клиентам – знать об этом вовсе не обязательно. Меньше знаешь, легче раскошеляешься.

– А что, крысы лезли?

– Да нет... – пожал плечами охранник. – Но так, может. На всякий случай. Подновить там, подлатать, не знаю... Ты же у нас Крысолов, не я.

– Ладно. Может, через пару недель...

Хоть обновлять заговор и не требовалось, это не значило, что он этого не делал. Почему бы иногда и не прогуляться по стойлам с морфами? Поглядеть новинки, поболтать с дрессировщиками – что за твари, что умеют, откуда, по какой цене.

В старом городе бойцовых клубов под дюжину, и частенько морфы сбегают. И пока тварь не напоролась на военный патруль или крысиную стаю... лучше знать, чего можно ждать. У некоторых инстинкты хищников проявляются весьма странно – а прибавить к этому вдобавок улучшенные нюх, слух и зрение... Не считая смекалки, ловкости и силы, необходимых в прямом бою... И прецеденты были, были прецеденты.

Стас прошел мимо входа на арены – сейчас закрытого большой стальной плитой, с виду сплошная стена. Мимо входа в стойла – дверь поуже, но еще прочнее. Поворот, и вот проход в приемную.

– Добрый день, Стас Викторович.

Светочка сегодня была просто бесподобна. Она всегда хороша, но сегодня просто лучилась здоровьем, красотой и той особенной чистотой и лоском, что свойственна женщинам определенного типа.

– Привет, Светик, – сказал Стас. – Отчего так официально?

– А вы приходите чаще, – еще милее заулыбалась Светочка.

Только верить этой улыбке не стоит. Эти милые белоснежные зубки опаснее иных клыков. Кто-то рвет честно, сразу за яремную вену, разбрызгивая кровь во все стороны – но хотя бы не притворяется. А кто-то осторожно откусывает прямо от души. По кусочку. Не так опасно сначала, не всегда даже заметишь сразу – но куда хуже потом, в конце.

– А вот и возьму да и начну. Прапор на дежурстве?

Светочка хихикнула.

– Да, проходите, шеф уже ждет. А... – она повела рукой в сторону Серого.

– Да, – кивнул Стас. – Пусть посидит здесь.

Стас отпустил ручонку Серого и подтолкнул к диванчику.

– Посиди, шерстяной.

Серый хмуро поглядел на кожаный диванчик. Поглядел на Светочку, оценивающе склонив голову. Решительно вернулся к Стасу и схватился за штанину. Мелкий, а пальцы цепкие, не отодрать.

Стас развел руками. Светочка понимающе кивнула. Что ж поделать, раз такая любовь...

– Я ждал тебя на день позже, – сказал Прапор. – Или что-то не так с прошлой поставкой?

– С прошлой все в порядке.

– Это хорошо... Весь в делах, весь в делах? – Кеша улыбнулся.

Он был маленький, кругленький, лысенький, и улыбался чертовски добро. Вылитый бухгалтер этакой маленькой, почти семейной, но преуспевающей фирме. Впрочем, он и на самом деле преуспевал. Вел дела чисто – даже занимаясь тем, чем занимался. Умудрялся достать то, что другим было не под силу – но, кажется, ни разу не использовал методов, выходящих за рамки товарно-денежных отношений. Даже слухов таких не было. Может быть, поэтому к Прапору и тянулись люди, расширяя и без того богатый спектр его поставщиков и покупателей.

– Так ты за заказом? – сказал Кеша.

Стас кивнул.

– Готово?

– Готово-то готово, я, знаешь ли, привык работать с запасом по времени. Ненавижу суету. Миром правят кто? Правильно, ленивые. Лень – мать прогресса.

Кто бы сомневался... Заказ был обычный, и Прапор должен был без проблем его собрать. Было бы странно, если бы возникли проблемы. Но помимо четкого заказа была еще одна просьба. Собственно, ради нее и приехал. С получением заказа спешки не было.

– А как там с секвенсором? – спросил Стас.

Кеша улыбнулся и многозначительно поднял палец. Задрал кустистые брови, покачал кончиком пальца. Но не заговорил. Сначала открыл тумбу стола и достал графинчик с благородно искрящейся золотистой жидкостью, к нему два граненых стакана. Откинул крышку шкатулки с сигаретами. Повел пухлой ручкой, приглашая.

– Знаешь, Крысолов, ты так больше не шути со стариком, – Кеша улыбнулся, подслащая слова.

Снял с графинчика крышку, налил в стаканы на два пальца.

– А то, понимаешь, у меня в товароведах по хай-теку новенький. Молодой парень, голова – во! Дыня патлатая, а не голова. Но совсем еще сопливый. Стоит, слушает и дрожит. Я ему говорю: так и так, Крысолову секвенсор нужен. «Гончар», серию называю, какая тебе лучше. А у парня чуть не разрыв сердца, как потом выяснилось. Я же в таких делах ни бум-бум, ты меня знаешь. Ты говоришь – секвенсор, и я думаю – ну, значит, секвенсор. А то, что этот «Гончар» секвенсором только называется, по старинке, а на самом деле полноценный синтезатор, я ни сном, ни духом. А мой мальчик по хай-теку думает – раз надо, так надо, и хоть кровь из носу. Мне, старику, по мозгам дать не решился, и начал честно дергать за все мои ниточки-паутинки. От которых, как ты понимаешь, есть ответвления сигнального типа, идущие прямо к... двухголовой... – Кеша дернул головой, куда-то вверх и на север.

Помолчал, разглядывая Стаса. Стас не отзывался. Что тут скажешь?

– Так что я чуть не огреб, – сказал Кеша. – По-крупному. Хорошо, что рыжик вовремя скопытился. Слышал, да? Кончился вчера наш генерал. Новенького назначили. Бойкий, но совсем дикий, эх... простокваша наступает. Одно хорошо, сейчас у них там неразбериха. Время смуты и хаоса, и все обошлось, не до старика Прапора им сейчас. А то ведь послали бы спецотдел выяснить, для каких таких дел Прапору секвенсор понадобился? Да что я тебе рассказываю, ты же лучше моего знаешь, как они выясняют... Так я чего. Ты больше не шути так со стариком. Ага?

Стас вздохнул.

– Значит, глухо?

– Не просто глухо. Это не стена. Это минное поле. Я умываю руки.

– И цена роли не играет?

– Хм... что значит – цена роли не играет? Играет, это главный вопрос! Я тебе так скажу, Крысолов: нет в мире такой вещи, которую нельзя было бы достать и с выгодой перепродать. Но!

Прапор взялся за графинчик и шевельнул бровями – не повторить ли? Стас кивнул, стараясь удержать на лице безмятежное выражение.

Черт возьми... С самого начала ясно было, что секвенсор достать – не девочке мамаше Мани под юбку залезть. Но все же надежда была. В России-матушке живем, все-таки. Тут люди еще не забыли, что не люди созданы для законов, а законы для людей.

Прапор покатал на языке глоток коньяка, смакуя.

– Но тут какое дело, Крысолов. В общем, ты меня знаешь. С постоянными клиентами моя маржа скромная. Это тебе не курвина юбка, чтобы задирать до самого непотребства. Так что пойми меня правильно. Я не набиваю цену. Но речь будет идти о сумме, которую ты не потянешь. При всем уважении... Но я твои рамки знаю. И ты не потянешь. Раз сто не потянешь. Понимаешь?

Стас вздохнул.

– В общем, дело такое, – быстро заговорил Кеша, опять подслащая слова добренькой улыбкой. – Если за тобой кто-то крупный, как кит, если просто моя рожа ему не мила или светиться не хочет здесь лишний раз, то разговор продолжаю. Если нет – без обид. Что скажешь, Крысолов? Только скажи имя, и я сам выйду на него, все сделаем незаметно, честь по чести... Но ты-то свои три процента, конечно же, получишь. Я работаю честно.

Хитер, хитер старый вояка...

Если секвенсор он не достал с первого раза, то попытаться во второй раз и не будет. Ни за какие деньги. Кеша любит стабильность, и слишком сильно никогда не рисковал. Старенький он уже, три дочки, да всем приданное надо, да внуки скоро табунами пойдут.

Но выяснить, зачем это вдруг Крысолову – такому простому парню, всегда занимавшемуся, в общем-то, мелочевкой, а тут ему вдруг секвенсор понадобился! – это Кеша все же решил узнать. Инфа карман не тянет, а процентами обрастает...

Прямо спросить не рискнул, обходные маневры затеял... Историю какую выдумал. Ну не может, не может этот старый жидовский пройдоха не знать, что такое секвенсор «Гончар»! Что за ним стоит и каков уровень тех, кто в такие игры играет. Хитрит, ой хитрит, старая складская крыса...

– Ладно, без обид, так без обид, – сказал Стас и усмехнулся. – Серьезных неприятностей из-за меня не схлопотал?

Кеша улыбнулся. Опять очень по-доброму, но все-таки с прищуром. Да, такого просто так вокруг пальца не обвести. Не Рубаков какой-нибудь. Этот понимает, когда ты понимаешь, что он понимает.

– Добрая ты душа, Крысолов... Нет, слава богам, ничего не стряслось. Мелким испугом отделался. А как известно, что нас не убивает, то делает нас крепче. Будем считать, мой товаровед по хай-теку прошел боевое крещение. В следующий раз будет не дрожать, а головой работать...

Ох, врет. Врет и не краснеет. И главное, все свое вранье в голове держит. За эти годы уже километры вранья выткал, но ни разу не запутался.

– А к тебе, гляжу, живность разная так и тянется... – Кеша кивнул на Серого. – Что это за зверюга? Продаешь?

– Да нет, это так... дворняжка приبلудная.

Стас потрепал Серого по загривку. Серый стряхнул руку и обиженно проверещал что-то.

– С характером животинка, да? – улыбнулся Кеша.

Особой любви к животным за Прапором раньше не замечалось. Деньги он любит, вот что. Деньги и только деньги. Ну, может, своих дочек еще. Которым, опять же, нужно приданное. То есть, в конечном счете, опять же деньги. А время, как известно, их частный случай...

Тактичный народ, эти евреи. Никогда не скажут прямо: «Пшел вон!» Всегда подведут к выходу за ручку, с улыбками и сожалениями, что век бы наслаждался беседой с умным человеком, да чертовы дела не дают житья... Ладно, намек поняли.

– Да они все чуть агрессивные... – сказал Стас. – Хорошая у тебя общественная смазка, товарищ Прапор. Но пора и честь знать, верно? Да, кстати. Не повторишь заказ?

– Последний-то? Да чего там... Можно, конечно. Кредит у тебя надежный... Строчка в строчку?

– Да.

На самом деле, повторять заказ пока не требовалось. Но если ребята Рубакова повиснут на хвосте и будут проверять, не надумал ли Крысолов рвать когти, это пригодится. Нужна видимость того, что никуда не бежишь, и даже планов таких в голове нет.

– Когда?

– Хорошо бы в три-четыре дня уложиться, – сказал Стас. – Сможешь?

– В три не в три, а через четыре дня приезжай. Так... Что-то я еще хотел...

Прапор нахмурился, словно в самом деле что-то забыл. Ну-ну. Играй, старый пройдоха. Другим ты, может, голову и задуришь, что совсем простой ты и мягкий человек, добрый и забывчивый. Почти что белый и пушистый, как новорожденный ангелочек. Картавит вот только...

– А! – Прапор открыл ящик стола, покопался там, вытянул бумажку с парой строк, накарябанных от руки. – Ну а ты тоже хорош, Крысолов. Молчит... Пришел чтоб товар получить, а сам молчит. Вот сюда подъезжай за завтрашним заказом. Можешь даже сегодня, только позвони, чтобы ребята за игрушки не хватались лишней раз. Нервы – их беречь надо, верно? Нервные клетки пока за большие деньги восстанавливаются...

Прапор протянул бумажку с адресом и временем. В заведении он обсуждал только дела. Передача товара проходила в других местах. Мало ли теперь в старом городе укромных мест?

Так. Теперь можно и в бар. Давно уже пора перекусить.

– Ъва? – Стас вопросительно посмотрел на Серого.

Серый ответил мрачным взглядом. Стас поежился. Взгляд был не совсем обезьяний. Как если бы плаксивый младенец, ни на миг не перестававший блажить, вдруг замолк – и, помолчав, спросил, спокойно и с тщательно скрываемой брезгливостью: «Ну и дурак же ты, дядя. Не надоело еще сюсюкать?»

– Ты чего мрачный такой?

Веселиться, правда, неотчего – секвенсор Прапор не достанет. Но этого и следовало ожидать. Было бы странно, если бы смог достать... Но тебе-то, Серый, чего грустить?

– Выше нос, шерстяной.

Серый невнятно огрызнулся, но покорно поплелся за Стасом.

За стойкой, как и всегда в это время, стоял Марти. Вообще-то звали его простым Петром, но внешность... Вылитый мачо, росший в пустынях и любивший лишь кактусы. Высокий, поджарый до худобы. Лицо длинное, худое, ни капельки жира. Все в морщинках. Мышечные складки под кожей такие четкие, словно на макете для медиков.

Бар пустовал. В углу скучно дежурила одна из девочек мамыши Мани, подергивая носком туфли в такт музыке.

Парочка ребят, уминающих мясное и тихо переговаривающихся. А это кто там в углу, забившись в тени? В чистеньком, с идеальными стрелками костюмчике, с огромной, начисто обритой головой, попивающий кофе и целиком ушедший в просмотр чего-то на экране планшетки – уж не Чистюля ли? Не его ли это «Пежо» был на стоянке?

Ладно, пусть сидит. Его внимания лучше не привлекать. У частных детективов слишком хорошая память и чересчур наметанный на всякие мелочи глаз.

Тихонько мимо, прямо к стойке. Тоже вся свободная – лишь с правого фланга над ореховой столешницей скрючился здоровенный мужик в кожаном прикиде и с длинными спутанными патлами, не мытыми несколько дней. Перед ним стояла, в рядочек, небольшая батарея из пивных бутылочек. Пивом от него воняет, должно быть... Лучше приземлимся-ка мы слева.

Но Серый уже ожил, закрутил головой – и потащил к табурету рядом с байкером. Ага, это он не байкера, это он на вазочку с орешками соблазнился, троглодит.

– Привет, Крысолов, – кивнул бармен.

– Привет, Марти.

– Как обычно?

– Да, – Стас забрался на высокий табурет.

Марти ухмыльнулся, не глядя вытаскивая нужные бутылки:

– Да нет, это само собой... Я про ключи от фургона. Что-то ты рановато, нет? Я думал, завтра заглянешь.

– Я тоже так думал... – Стас вздохнул. – Еще сегодня утром думал...

Марти понимающе хмыкнул, покивал.

– А это кто? – стрельнул глазами по Серому.

Серый взгромоздился на табурет рядом и жадно копался в вазочке с орехами, выуживая фундук, и тут же пихал в рот.

Стас тоже поглядел на Серого. Кто... Хороший вопрос, кстати.

Марти, поглядывая на Серого, нацедил из бутылки водки и добавил клюквенного сока. Пододвинул стаканчик к Стасу.

– Он что, голодный? На диете его держишь? Тощий какой... И маленький. Он обычный шимпанзе или карликовый? Совсем мелкий какой-то...

– А черт его знает...

Стас усадил Серого к себе на колено, задрал мордочку и растянул ошейник. Серый тут же вцепился в него.

– Ну-ка... – Стас добавил в голос басов и твердости. – Бунт на корабле?

Серый отпустил. Отвернулся и прыгнул на пол. Обиделся, видите ли...

Стас отхлебнул клюквенной и стал изучать ошейник. Повертел его с внешней стороны, с внутренней... Негусто. Кроме клички – Sir Grey готическим шрифтом – ничего. Ни адреса хозяина, ни информации о прививках. Стас прощупал ошейник, перегибая мягкую кожу. Нет, микросхемы с паспортом тоже нет.

Марти с ухмылкой наблюдал за Стасом.

– Сканер принести?

– Нет. Нет здесь ничего... Слушай, а у тебя...

Стас покосился на байкера, сгорбившегося над батареей пивных бутылочек.

Марти махнул рукой. Не обращай внимания, свои.

– Есть кто на примете, чтоб...

Хоть Марти был и уверен в этом парне, но упоминать морфов все ох как не хотелось.

– ...ну, чтоб... в животных разбирался?

– В животных?.. А, этого зубастика посмотреть?

– Типа того...

– Слушай, ты! – вдруг крутанулся к ним байкер.

Оскалившись, он нацелил палец на Стаса. Его глаза опасно блестели.

– Еще раз тронешь меня за задницу, гомик, сверну шею. Понял?

Стас почувствовал, как брови взлетели. За задницу?.. Этого патлатого жирдяя, провалявшегося бензином, потом и пивным перегаром?..

Стас медленно сполз с табурета, оставив его между собой и мужиком, вытащил левую руку из кармана плаща, положил под подушечку табурета – одним движением можно швырнуть под ноги, если этот здоровяк рванет в драку.

Марти стоял с отпавшей челюстью. Даже руки, натиравшие стакан полотенцем, замерли.

Мужик, горячий как булочка из духовки, вдруг нахмурился. Обернулся.

– Ты еще что такое?..

Он резко выбросил руку, куда-то назад и вниз, схватил что-то за своим табуретом и высоко поднял – робко повизгивающего Серого.

– Гм... Это мое, – сказал Стас.

– Да? – мужик остыл так же быстро, как и завелся. – Рукастый малыш... Свернуть бы ему шею, да больно мордочка приятная. Держи.

Мужик сунул Стасу Серого и выключился. Скрючился над батареей бутылок и опять ушел в себя.

– Серый, зар-раза... – сказал Стас. Крепко держа за лапу и больше не отпуская.

Серый отвечал кротким взглядом.

А за столиком в углу Чистюля оторвался от планшетки. Теперь он внимательно разглядывал их – и, кажется, больше даже шимпа, чем Стаса. И чему-то, кажется, едва заметно ухмылялся?

И никаких сомнений, что где-то там, за этими серыми глазами, все откладывалось в память, надежно и точно. Чтобы потом проявиться, когда потребуется... Встретившись с ним глазами, Стас отвернулся. Черт, вот ведь повезло-то.

– Вот и ладненько, – пробормотал Марти. – Подожди, Крысолов, я за ключами сбегую. В пиджаке оставил. Только не забудь до послезавтра пригнать, ладно?

Когда показалось Садовое кольцо, солнце уже зашло.

«Норка» Марти шла тяжело. Гудел расклепывающийся корпус, за окнами плыл тихий, пустой город...

И на душе было так же заброшенно и темно.

Вот и еще один день... И весь в беготне. Из «Москвича» – забрать товар у ребят Прапора. Потом в магазин, еженедельный поход за продовольствием. Ящики мандаринов, ящики бананов, упаковки жестянок с компотами, мешочки сухофруктов. Молоко, йогурты... И, конечно же, три четырехсотграммовых пакетика овсяного печенья с изюмом. Без этого никуда.

Итого почти тонна. Фургончик Марти осел, и чувствовалось, что мотору эти подвиги даются нелегко.

Серый истомился за день и опять спал, убаюканный качкой на рассыпающихся дорогах. Опять завернувшись в плащ с головой – ни видно, ни слышно. Спит этот шимп как сурок.

А завтра?.. Завтра тоже тот еще денек. А уж что говорить о том, что будет через два дня, когда Рубаков изволит поинтересоваться – не пора ли, собственно?

Стас притормозил. В темноте блокпост казался еще больше и основательнее, чем был на самом деле. В свет фар вынырнул сержант, кутаясь в ватник. Стас перегнулся назад, взял с сидений два блока «Имперских», упаковку пива. Сколько их там, четверо? Ладно, хватит им одной упаковки. Им тут по-любому лучше не напиваться. Это так, только чтоб вкус жизни вернулся.

Стас вылез из машины. Сержант принял курево и пиво.

– Сколько с нас?

– Не выпендривайся, – попросил Стас.

Сержант не стал возражать. Потянул носом воздух.

– Блин, как пахнет-то... Прямо новый год! Маму мою матушку... Аж детство вспомнилось. Я тут недалеко жил-то, через пару кварталов вон туда.

Сержант дернул подбородком, куда именно.

– Пошли, – сказал Стас.

Они обошли фургон, Стас открыл дверцу. Теперь мандариновым духом шибануло по-настоящему. Сержант присвистнул, разглядывая ящики с фруктами, забившие весь фургончик.

Стас взял ближайший плоский ящик, затянутый сверху сеточкой. Сунул на упаковку пива в руках сержанта.

Тот благодарно кивнул.

– Слушай, Крысолов. Сколько же у тебя крыс-то ручных? Целый батальон, что ли?

– Не совсем. Поменьше.

Гораздо меньше, если уж совсем честно. Но говорить об этом едва ли стоит. Сержант хороший дядька, так чего портить его крепкий сон? Незачем ему знать, что апельсины, конечно же, не для крыс. Тем сухой кошачий корм куда милее.

– А чего ты их фруктами-то кормишь? Вроде, они ж грызуны, зерно должны жрать? Хлеб там, мясо... А ты их прямо как обезьян.

– На диете держу.

Сержант покосился на Стаса, прищурился. Ухмыльнулся.

– Ясненько...

Загнав фургон в гараж, Стас посидел. Лень было заниматься формальностями. Тем более что Марти можно доверять. Но...

Ладно. Стас вылез из машины, взял из шкафа сканер и проверил корпус машины, потом внутренности. Чисто, как и следовало ожидать. Завтра можно ехать спокойно.

А пока – есть еще одно дело. Надо проверить улов.

Оставив Серого дрыхнуть на заднем сиденье, Стас вышел из гаража в холл, повернул к крысарне. В тамбуре перед ней взял из шкафа пакет с кормом. На всякий случай снял с предохранителя один «Хек». Случалось, что через открытый ход в подвал – а значит, могло притащиться из любой норы старого города – забредали гости.

Отодвинул засов, осторожно открыл дверь. В комнате завозились. Ага, все нормально. Звуки возни были самые обычные. Стас щелкнул выключателем, вошел и прикрыл за собой дверь.

Все в сборе. Сидят, строгим полукругом, и бодро щелкают хвостами по трухлявому паркету. И на всех пяти мордах довольное выражение.

У Лобастого, Скалолазки и Рыжика еще и гордость. Оно и понятно. Перед этими троими по маленькой камере – крошечный объектив, процессор со спичечную головку и маленький передатчик. Рядом с каждой камерой по маленькому, с ноготь большого пальца, аккумулятору. И это, может быть, самое важное. Трудно придумать более медвежью услугу, чем принести в дом камеру с подсоединенным аккумулятором. Исправно работающую и транслирующую картинку куда-то на гэбушный спутник...

Стас достал с заднего сиденья Серого и пакет с продуктами, вышел к лифту и приложил смарт-карточку, оживляя его. Тащиться четыре этажа не хотелось, да еще со спящим шимпом на руках. Проснуться он не соизволил, лишь удобнее перевернулся на руке, обхватив ее как ветку.

Home, sweet home...

Стас уложил Серого на диванчик, скинул ботинки, начал расстегивать рубашку... Все хорошо, но чего-то не хватает.

Стас прислушался к своим ощущениям. Ага... Ясно, чего не хватает. Точнее, чего перебор. Тестикулы переполнены – не только физические, но и, главное, те, что в голове, глубоко на подкорке. Раз, два, три... четвертый день уже, между прочим.

Хорошо бы, конечно, вызвонить сюда какую-нибудь милую куколку. Но кто ж сюда поедет-то? Даже девочки мамы Мани сами сюда не поедут. Это значит, надо опять тащиться в «Коренной москвич», и уж самому везти оттуда сюда. Но тогда уж проще прямо там... только... как бы ни были хороши девочки из высшего мамашинного дивизиона, а занятие накладывает свои следы. Профессиональная деформация. В каждом жесте, в каждой взгляде...

В этом доме бывали гости и поинтереснее. Например, шаловливые молодые женушки, сумевшие захомутать какого-нибудь столпа феодал-капитализма, и теперь изнуренные наступившим после бездельем. Когда им надоедает тиранить прислугу, кататься по магазинам и трепаться в тренажерных залах с такими же подружками-горемычками, – их тянет на приключения.

Кто-то заводит личного тренера, садовника, конюха или духовника, и потом меняет их как перчатки. Кому-то и это приедается. Может, потому, что все эти личные тренеры – та же высшая лига девочек мамы Мани, вид в профиль.

То ли дело – покрытый шрамами гладиатор с арен под «Коренным москвичом». А еще лучше, парень, который не то что морфов не боится – сам их распугивает, даже кремлевских крыс, отжавших у людей весь старый город... Не хотите ли прокатиться с ветерком по нуарному диснейленду? Поймать освежающую волну адреналина, холодок под ложечкой – от опасности нешуточной, реальной, совсем рядом – только распахни дверцу машины... Это будоражит не только мужскую кровь.

А учитывая, сколько эти холеные страдалицы тратят на диетологов, тренеров и хирургов, и там не то что на глазок не скажешь, сколько лет – порой на ощупь не удастся! На уровне высшей лиги мамашиных девочек. Сегодня на аренах несколько интересных боев должны быть, кстати...

Но кроме этого смутного зуда – был еще голод, который едва ли дотерпит до клуба. Холод, от которого хотелось отогреться в обжигающей воде. И просто выпасться не помешает.

Стас замер, прислушиваясь и взвешивая. Нет. Пожалуй, тащиться сейчас в «Москвич» – это перебор. Да и завтра день будет тот еще... Дети, цветы жизни... И что с того, что не твои?

Впрочем, если так размышлять, то Арни вовсе без родителей. Не считать же ими персонал подпольной лаборатории, где его сделали – начиная с генома, базу которого скомпилировали из нескольких видов. Так что круглый сирота он, самый что ни на есть, круглее не бывает.

Стягивая одежду, Стас прошел в эркер, включил воду. Оставил ванну набираться и побрел на кухню, по дороге буркнув автоответчику показать записи. Или автозаписчику? Вместо приветствия на видеофоне стоял черный фон с простеньким «Оставьте сообщение после сигнала», зачитанным женским голосом. Кому надо, знают, куда попали. Кто не знает – их личные трудности. Такие и не нужны. Больше проблем, чем прибыли. Идут лесом дальше.

Сначала раздался хорошо поставленный мужской голос – это процессор озвучивал оповещения. Подтверждение из банка о получении семи тысяч. Что-то расщедрился Живодер. Ага, вот чего он намекал заглянуть на счет. Но все равно – с чего бы?.. Уведомление о списании со счета... Уведомление о списании со счета... Уведомление о списании со счета...

Слушая вполуха, не свалилось ли с кредитки чего лишнего, Стас налил стакан апельсинового соку, подошел к окну, медленно цедя сквозь зубы кисловатый бархат. Очень может быть, что вид из этого окна, такой привычный, скоро придется сменить... Чертов Рубаков!

В гостиной тихо звякнуло – это значит, ожили видеопанели. Видеопочта. Кого еще черти принесли на секретный адрес?

Хотя нет, не стоит напрягаться... Ох уж эти спамеры. Самое противное даже не то, что загаживают чужие ящики – даже те, которые, казалось бы, нигде не засвечены – и крадут твоё время. Куда хуже это ощущение разочарования – после резкого, как сердечный приступ, удара интереса и надежды, что пришел хороший заказ или весточка от кого-то из старых друзей...

Но звука не было. Какое-то нудное и претенциозное, при том что пальцем деланное, графическое вступление? Как же достает. Вроде, и знаешь уже – пустышка, а в сердце все равно какая-то надежда трепыхается – ну а в друг?.. Стас прошлепал в гостиную.

Серый уже ожил и, потягиваясь на диване, уставился на монитор. А там было, на что посмотреть.

Определено, это была одна из искательниц приключений. Только...

Совсем молоденькая, почти девчонка. И какая-то не зажавшаяся. Самоуверенная, не без этого. Но, кажется, удержалась на той грани, что отделяют человека, знающего себе цену – от снисходительного пупа земли, который все тут купит, если взбредет такая блажь.

Нет, эта, пожалуй, была не такая... но и цену себе знает. Сидела не впритык к камере, а так, чтобы видно всю фигуру. В строгом черном брючном костюме, откинувшись в кресле и закинув ногу на ногу, нижняя изящно вытянута, как-то очень естественно оперев длинный каблук о край журнального столика.

Длинные черные волосы разделены на две части и заплетены в косички – просто, почти по-детски, если бы не один локон, оставленный с тщательно продуманной небрежностью. И тихая то ли задумчивость, то ли меланхолия на лице, без дежурных улыбок, этих ощерившихся капканов...

Конечно, если знать, что искать – все эти маленькие лукавые хитрости на поверхности. И может быть, они бы и не сработали – не будь умеренны и так естественны.

А может быть, все дело в лице. Умное лицо, безмятежная меланхолия не казалась наигранной... Нельзя сказать, чтобы красавица – и все же это лицо цепляло. Цепляло что-то глубоко внутри, и цепляло крепко... Словно это лицо было не чужое, а когда-то до боли знакомое. Будто там, в глубине подсознания, сидел уже отпечаток этого лица. Был все это время, но тихо ждал, пока случится встреча с оригиналом. Ждал, набираясь сил – а теперь мощным рывком выскочил на поверхность, выплеснулся, как удар тяжелой глубинной бомбы, все сотрясая...

Стас ухмыльнулся. Чувствуя, что ухмылка вышла так себе.

Волк-одиночка, говорите? Со стальным сердцем? А что это там в груди зазвенело хрустальными осколками?.. Нет, парень. Надо возить сюда девок мамыши Мани регулярно.

Видеофайл шел, но девушка держала паузу. Видно, не только Крысоловы велись, как крысы на насвист пестрого дудочника, на это лицо и эту манеру держать себя – и она это прекрасно это знала и умела пользоваться.

Потом что-то неуловимо поменялось. Легкая улыбка, какая-то непонятная. Может быть, чуть лукавая.

– Добрый день, господин Крысолов, – мягкий, бархатистый голос. – Я хотела бы встретиться с вами завтра в шесть часов на пересечении Трифоновской и Октябрьской.

Едва уловимый жест – шевельнулась рука – и файл кончился.

Все. Больше ни слова. Коснулась пульта и оборвала связь, не снисходя до объяснений – кто такая, зачем, для чего, за сколько... Словно и не сомневалась в том, что одной ее просьбы вполне достаточно. Что Крысолов и так приедет.

Стас вздохнул. Хуже всего было то, что если она и думала так – то, похоже, не ошибалась...

Просыпаться Серый не хотел. Даже запах кофе его не взбудрил. Натянув на голову краешек простыни, свернулся калачиком и только вяло отбрыкивался, как Стас ни пытался его поднять.

Заболел, что ли?

Стас постоял рядом с кроватью, дожевывая бутерброд. Приподнял краешек простыни и потрогал лоб. Ни черта себе! Хоть яичницу жарь! Или у них, у шимпанзе, так и должно быть?

А может, дело в генных модификациях? Он же не натуральный шимпанзе. И жрет вон сколько. Должен же он куда-то эти калории тратить?

Правда, чего голове-то быть такой горячей? Не мозги же у него так греются. Сообразительный-то он сообразительный, но не биологический суперкомпьютер, которому глюкоза килограммами нужна...

Может, оставить его в квартире? Поваляется, выпится, да и придет в себя. Правда, если придет в себя, пока будет один... Ох, он ведь нашалит тут своими тонкими ручонками!

Вообще, надо с ним что-то делать... Ну да, конечно! Как же в голову сразу-то не пришло! Машина, тот синий «Сахалин» на площади! Если этот обжорливый сурок в самом деле оттуда – а откуда ему еще было взяться? – то по номеру машины можно выйти на владельца.

Черт... На бывшего владельца, скорее всего. Сожрали крысы приключенца-то...

Хотя нет. Именно владелец-то – тот, на кого машина оформлена – должен быть жив. Раз машина наша, то кого-то из местных. А едва ли кто-то из знающих о крысах не понаслышке поехал бы на «сахе» кататься по Красной площади. В машине был, скорее всего, турист какой-нибудь, и машину арендовал.

Значит, нужно узнать номер. Выйти на фирму. Свериться, кто брал эту машину. Связаться с родственниками этого непутевого приключенца – и выслать им этого сурка, как последнюю память о безвременно почившем. Выслать хоть посылкой, хоть под конвоем. Уже не твои проблемы.

Точно. А вечером – чем черт не шутит? – можно будет свезти сюда ту девчонку. Хотя еще надо выяснить, что ей нужно. Но скорее всего, просто острых ощущений. Крысолов, бесстрашный одиночка. Владыка покинутого города. Повелитель крыс... Тьфу!

Но, с другой стороны – регулярный приток любителей острых ощущений. Богатеньких и холеных. Приятно, черт возьми. Особенно когда такие...

Так! Хватит сопли на кулак мотать. Это все вечером. В шесть часов, на закате дня. Вот тогда тебе будут и романтика, и прочие радости жизни... Потом.

А пока – разгрузить и отогнать фургон обратно Марти, забрать свою машину. Заодно заглянуть на площадь и посмотреть номер того «сах», чтобы сбегать Серого, откуда взялся.

Стас спустился вниз, но сначала заглянул в крысярню.

Рассыпал по мисочкам пакет кошачьего корма. Не так много на пятерых, но вполне достаточно. Сегодня им работы нет, тратить калории некуда. А просто так нажираться не фига. Крысы от переедания дохнут, как дрозофилы. Жиреют, обрастают раковыми опухолями и дохнут. Нет уж, не для того он их два года дрессировал!

Стас притормозил перед входом в метро – им не пользовались лет двадцать, все было обшарпанное до ужаса. И в этот момент вынырнули крысы. Сразу с обеих сторон.

Заглушенный мотор еще делал последние обороты, а крысы уже окружили машину, и – с места водителя не видно, конечно, но нет никаких сомнений, они всегда так делают – восемь тварей блокировали колеса, прижавшись к ним живыми колодками.

Им можно отдавить лапы, их можно изувечить – но машина не тронется с места, если они сами не отойдут. А оттащить их, если они сами не отойдут, проблематично. Только открой дверь, и их соплеменники порвут глотку, не успеешь глазом моргнуть.

И тронуться с места лучше даже не пытаться. Не то остальные вмиг обглодают колеса, а потом выгрызут резиновые уплотнители, удерживающие стекло в корпусе. А когда стекла выпадут, крысы займутся теми, кто внутри машины...

Но если ездить по городу на этой пурпурной «ниве» с фигурными трубками бампера, хромированными и сияющими даже в полумраке, – все может быть совсем иначе. Главное, не дергаться.

Стас подождал, пока крыс подтянется побольше. Они взяли машину в кольцо, но и только.

Вышколенные. Машину блокировали, но рвать колеса и пробиваться внутрь не пытаются. И сколько их всего, можно сказать, даже не считая – тридцать. Взвод, который дежурил здесь.

Приоткрылась стеклянная дверь входа в метро – одно название, что стеклянная, а заляпана грязью так, что не хуже деревянной, – и оттуда, из темноты, вынырнул второй взвод. Еще тридцать темных тварей. Окружили второй цепью.

Следом за ними показалась еще одна морда – эта крыса вышла в гордом одиночестве, и была совсем не такая молодая, как бойцы в цепях. Шерсть уже с проседью.

Крыса оглядела машину, подошла ближе. Стас распахнул дверцу. Крыса придирчиво осмотрела Стала, шмыгая носом. Обернулась к своим и пискнула.

Тем, кому все крысы на одну морду, этот писк ничего не сказал бы. Но если наостриться, то тона писка можно различать. Этот был – «отбой тревоги».

Из-под машины вынырнули восемь крыс, блокировавших колеса. Кольцо крыс перед машиной разошлось, открыв проход к стеклянным дверям.

Над ними, под толстым слоем грязи, еще можно было различить выпуклые буквы: «станция Арбатская». Станция...

Стас обошел фургон, открыл дверцы. Забрал одну сумку – товар, полученный от ребят Прапора. Это лучше отнести самому, чтобы особенно не кантовать.

Седая крыса опять пискнула – на этот раз тоном выше. Дежурный взвод крыс рассыпался и исчез. Кто-то убежал за углы, кто-то затерялся в кучах мусора, наметенных ветром у стен. Второй взвод стянулся за фургоном, несколько крыс запрыгнули внутрь.

Ладно, разберутся сами... Стас толкнул стеклянную дверь и шагнул в полумрак. Постоял, пока глаза привыкнут к темноте. Седая крыса терпеливо ждала рядом.

– Ладно, пошли, – сказал Стас.

Достал из кармана фонарик – красный и тусклый, но тут больше и не надо. Был здесь не один десяток раз, при желании можно и на ощупь пройти. Не ради того, чтобы мраморные облицовки разглядывать...

Седая крыса засеменила в темноту.

Она довела до середины зала «Арбатской». Скользнула в сторону, на лестницу. Провела по переходу между станциями. Прошли коридор, завернули – и впереди заплескали отблески огня. Крыса остановилась. Выразительно поглядела на фонарик и пискнула. Повелительно.

– Да ладно тебе...

Детский сад какой-то. Фонарики здесь, видите ли, запрещены. Обойдутся!

Крыса, не двигаясь дальше, опять пискнула. Громче и жестче. Из темноты тут же вынырнули еще мордочки.

Стас вздохнул. Ну, Арни, ну поросенок! В строгие порядки играет, паразит. И ведь не поспоришь. Вон какие шерстяные аргументы...

– Ладно, не блажи...

Черт с ними... Чем бы дитя ни тешилось, лишь бы... Стас затушил фонарик.

Ладно, немного осталось. В конце концов, пол здесь гладкий, за порядком тут следят. Особо спотыкаться не обо что.

Где-то рядом, затерявшись во тьме, семенила седая крыса. Когда они свернули к лестнице, крысу опять стало видно. Отсветы стали куда ярче, впереди был зал «Боровицкой».

В дальнем конце, у торцевой стены, горели два факела. По краям зала, отделяя от посадочных платформ, шли колонны.

Вдоль них выстроились крысы. И справа, и слева. Ровненько, через полметра. Все самцы и все, как на подбор, здоровенные. Хотя почему – как? Они и есть на подбор. Личная гвардия. Полбатальона, а то и больше.

Серая крыса отстала и куда-то нырнула. У основания лестницы были еще две старых крысы – тоже бывалые и опытные. Лейтенанты. Едва Стас сошел с лестницы, они зычно, в унисон, пискнули.

Все три – а может, и четыре – сотни тварей поднялись на задние лапы, вытянулись стружкой. И резко упали вниз, кляцнув когтями по гранитным плитам. В гулкой тишине старой станции этот звук впечатлял. Торжественной приветствие. Ох уж этот Арни... Мальчишка, он и в джунглях мальчишка, и в подземельях старого города.

Играет в солдатиков. И что с того, что его солдатики не похожи на людей и вполне живые? Так даже интереснее, наверно.

У торца, между факелами, огромное кресло – настоящий трон, который Арни перетащил из какого-то музея. Может быть, даже из кремлевских запасников.

На троне он сам. Император гранитных платформ...

Ладно, сам таким его воспитал. Читай, Арни, больше читай. Чьи слова?..

Ага, то-то же. Так что ныть по этому поводу не с руки. Сам виноват.

Стас двинулся вперед, по коридору меж элитных крыс-гвардейцев, снова неподвижно замерших на задних лапах. Даже мордами не крутят – только бисеринки глаз неотрывно следят. Если что-то подозрительное, раздерут на куски за пару секунд. Пираньям и не снилось.

Когда до трона осталось метров десять, Стас остановился и поставил сумку на пол. Арни наконец-то поднялся.

Большущий, здоровенный. Не ради красивых жестов он сюда настоящий трон притащил, обычный стул ему в самом деле не подошел бы. В холке под два тридцать. По массе все полтонны. Ребенок, черт, восьмилетний...

Черную кожу покрывали угольно-черные волосы, на широченных плечах кожаный плащ с оторочкой из соболя. Из-под него виднеется грудь – с рельефными буграми мышц. На шее массивная золотая цепь. Красавец, да и только. Любая горилла-самка будет покорена с первого взгляда.

Да только Арни эта горилла-самка будет не нужна... Мозги-то у него почти целиком на человеческих генах. И воспитывали его люди. Так что все стереотипы красоты, как врожденные, так и импринтинговые, – все это как у человеческого мальчишки. Хотя нет, уже подросток. Он быстрее развивается.

Еще чуть-чуть, и будет юноша. И что тогда начнется... Пока половые гормоны еще не включились. Пока ему хватает апельсинов, книжек и вот этих вот крыс в качестве друзей-товарищей. Но что будет через год?..

– Вольно, – пробасил Арни.

Глотку ему тоже чуть подправили, говорить он может, и вполне сносно. Но размеров она соответствующих. Голос такой, что только в оперных залах басом петь. Команда раскатилась под сводами зала, как рокот грома, хотя Арни даже не повышал голоса. Крысы послушно легли на брюхо.

– Приветствую тебя, посредник между людьми и их рукотворными богами, – торжественно провозгласил Арни.

Та-ак... Чего этот ребенок на этой неделе начитался? Фэнтэзи какой-нибудь, наверно. Боги, рыцари. Хм. Будем надеяться, до красавиц-принцесс дело еще не дошло... Поиграть в рыцарей, что ли?

А если он окончательно зазнается? И так он здесь хозяин среди крыс, привык командовать и воображать себя царем. Уже богом даже. Рукотворным...

Хотя, может быть, он не себя имел в виду. Здесь, кроме него и крыс, были и еще существа. В этом нет сомнений, хотя никого из них видеть не доводилось.

Сам-то Арни еще ребенок. Он живет здесь, но контролирует лишь малую часть крыс – в небольшом районе вокруг этой станций. Больше ему не под силу. Да и этих-то крыс он не без помощи других выдрессировал...

А центр старого города контролируется весь. Это на окраинах крысы дикие, живут мелкими стаями сами по себе. А здесь, в центре, все они организованы. И организованы уже давно, лет пятнадцать.

Крысолов... Не было бы никакого Крысолова, если бы крыс не контролировали. И если бы тем, кто их контролирует, не были нужны кое-какие товары – сугубо человеческие.

Знать бы еще, кто они, эти контролеры... Но заказ на товары, которые доставал Прапор, приходил через Арни, и только так. Никаких личных встреч.

Самому-то Арни до этих товаров дела не было. Зачем ему все эти химикалии и инструменты, большей частью связанные с биотехнологиями? Он пока застрял на Средних веках, мушкетерах и фэнтэзи. Хотя кто-то с ним все же занимался. Его речь была четкой, с ним явно говорили вслух, часто и помногу. И считать хорошо научился. И азами логики овладел. Даже лучше, чем большинство восьмилетних ребят. Впрочем, он и куда своенравнее и агрессивнее обычного восьмилетнего мальчишки...

В любом случае, не стоит ему откровенно потакать. А то совсем будет не сладить.

– Привет, Арни, – сказал Стас.

– Привет, дядя Стас, – сказал Арни.

Теперь он говорил просто, не стараясь подражать какому-то древнему воину из черт его знает какой книжки. Странно это звучало – мощный басистый рык, которому позавидо-

вал бы любой реальный средневековый герой-варвар, и вдруг – дядя Стас. Племянничек, черт возьми... Опустил взгляд в мраморные плиты, как нашкодивший карапуз.

– Как у вас дела, Арни?

– Нормально, дядя Стас...

– Все нормально? Не болеет никто? Погодка та еще, и холодно, и сыро...

Арни вскинул глаза и улыбнулся.

– Не хитри, дядя Стас. Я все равно ничего не расскажу о моих друзьях.

Кто бы сомневался...

– Ну а ты сам-то как?

– Нормально...

– Это не ответ.

– Ну нормально все, правда... – Арни опять отвел взгляд.

Стас вздохнул. Весело, весело...

А ведь это не первый раз уже – это ощущение стены, разделившей их. Словно почти чужие... Сколько уже так? Месяц, два? Полгода?

Уходя отсюда, это сразу забывается. Память четко держит то маленькое двухлетнее создание, каким увидел его в первый раз. Или уже крупного, но все еще не перегнавшего в росте самого Стаса, крепыша с повадками пятилетнего мальчишки. Каким он был три года назад – когда у Арни был пусть и плохой, но дом, где не нужно было ни от кого таиться, и они виделись каждый день. И когда каждый следующий день ниточки, связывающие их сердца, крепили, – а не рвались, как сейчас...

Эти ниточки держались долго, но не могут же они держаться вечно? Теперь, когда встречи от силы раз в неделю, а то и раз в полмесяца...

Только уходя отсюда, об этом сразу забываешь. А помнится – лопочущий «Тятя Стас, тятя Стас!», несущийся навстречу с сияющими глазенками...

Стас поежился, хотя здесь было не так уж холодно.

И что хуже всего, кажется, Арни тоже было немного не по себе.

– Значит, все нормально...

Арни, хмурясь, поерзал на троне.

– А секвенсор тоже здесь? – он указал своей обросшей шерстью черной лапицей на сумку.

– Нет. Тут все, что просили твои друзья, кроме секвенсора. «Гончар» – это тяжелый прибор, здоровый такой ящик.

– А-а... – протянул Арни и покивал.

– Продукты тебе и кое-что твоим крысам я тоже привез, как обычно. В машине, твои постовые сейчас разгружают.

– Спасибо, дядя Стас... А секвенсор тоже там, в машине, да?

Он проворно поднялся. Повел плечами, разминая.

– Нет, секвенсор достать не удалось. Скажи своим друзьям, что это будет не так-то просто сделать. Мне нужно поговорить с кем-то из них, тогда...

– Нет, – сказал Арни. – Поговорить можно только со мной.

– Арни...

– Нет, дядя Стас! Они говорили мне, что ты будешь просить о встрече с ними! Но сказали, чтобы я тебя даже не слушал. Вот.

– Да?..

– Да. И еще мои друзья сказали, что я тебе должен передать.

– Хм?..

– Они сказали, что ты должен достать секвенсор.

– Я бы рад, Арни, но...

– Ну дядя Стас, не перебивай!

– Хорошо.

– Послушай меня, дядя Стас! Я должен передать, что они сказали!.. Наши крысы защищают тебя и твой дом от диких крыс, дядя Стас. Наши крысы не нападают на тех людей, которые приезжают с тобой на площадь, и на те места, которые ты нам указываешь... Сами не нападают, и защищают их от диких крыс. За это тебе платят деньги. Неужели этих денег не хватает, чтобы достать нам секвенсор?

– Видишь ли, Арни... Не все так просто.

– Подожди, дядя Стас! Я еще не все... Мои друзья сказали передать тебе, что если не будет секвенсора, не будет и защиты.

– Прямо вот так и сказали?

– Да. Прямо так. Если не будет секвенсора, то не будет защиты.

– Арни, мне нужно поговорить с кем-то из них.

– Нет, дядя Стас. Они не хотят, чтобы их видели. И еще они сказали, что ты должен точно сказать, когда будет секвенсор. Иначе они перестанут обеспечивать тебе защиту от диких крыс.

Стас вздохнул.

Да, это было железное правило – общаться с этими «друзьями» можно только через Арни, никаких личных контактов. Но для любых правил когда-то наступает время исключения. И сейчас именно такой случай.

– Арни, послушай меня внимательно...

– Дядя Стас, не надо уходить от ответа! Назови точную дату!

Черт возьми! Тяжело говорить с ребенком, который большую часть времени командует сотнями крыс и читает приключенческие книжки.

Надо тоньше, с другого конца. Потянуть за ниточку, связывающую его с детством... Стас закусил губу. Черт...

Ну что за паскудные замашки, а? Эти хитрые приемчики помогают, да, – но использовать их с Арни?.. Чертовы привычки! Въедаются в кровь. Сжирают тебя, становятся тобой. И вместо благих целей остаются лишь грязные методы...

Только ведь работают же? Работают. А договориться надо. Ради их же блага, этих его «друзей». Может быть, эти друзья и смогли управиться с крысами – а вот разбираться с той жизнью, что за пределами старого города, так и не научились.

Кто они, вообще? Скорее всего, чудом уцелевшие морфы, сбежавшие из бойцовых клубов или с подпольных ферм. Сбились в кучку, нашли тут приют, научились управлять крысами... Потому и Арни взяли в свою компанию...

Но только приручить крыс и обжить подземелья – это ведь еще не все. А откуда им знать те правила, по которым идет жизнь пригорода?.. Может быть, у них есть книжки, телевизоры и сеть – но это же не вся жизнь.

Скорее всего, они максималисты – как обычные подростки. И могут пойти на принцип. А тогда наломают дров...

Дело даже не в том, что Крысолов перестанет быть Крысоловом, лишившись их помощи. Но если кто-то из них заболеет, срочно потребуются лекарства – откуда они их возьмут?..

Стас вздохнул. Надо, надо договариваться, а не ссориться.

– Арни, малыш, я тебя когда-нибудь обманывал?

Арни нахмурился. Что-то тихо буркнул...

– Вот видишь, Арни... Я принимал это правило, что я не должен видеть твоих друзей. Принимал до тех пор, пока это было возможно. Но сейчас не тот случай. Скажи своим друзьям, что мне надо переговорить с кем-то из них напрямую, без этого никак не обойтись.

– Они все равно не будут встречаться с тобой, дядя Стас...

Стас пожал плечами.

– Хорошо, я оставляю телефон.

Стас достал из кармана специально купленную и подготовленную трубку и положил ее на пол, возле сумки.

– Вот. Скажи им, трубка чистая. Вызов будет идти через спутник, по сети через цепочку прокси-адресов. Даже если кто-то случайно перехватит его, проследить место, откуда был звонок, невозможно. Пусть свяжутся. Это важно, Арни. Передашь?

– Хорошо, дядя Стас... – пробурчал Арни, не переставая хмуриться.

Стас вздохнул.

– Ладно... Тебе самому-то что-нибудь привезти? Книжек, журналов? Телевизор?..

– У нас есть сеть.

Есть-то есть... Но есть на свете еще и такая вещь, как сексуальное созревание. Которое и сопровождает переходный возраст.

– Я мог бы привезти тебе маленький генератор, будешь из бензина электричество получать. И телевизор будет у тебя здесь. Твой собственный. Я бы тебе мог дисков привезти каких-нибудь, с новыми фильмами...

Арни пожал плечами и опустил глаза.

Та-ак... Точное попадание, похоже.

– Так что, привезти?

– Да...

– А продукты в следующий раз? Как обычно, или что-нибудь добавить?

– Нет, все как обычно... Только, – начал Арни и осекся.

– Только?..

Арни кусал губу.

– Только? – повторил Стас.

– Все как обычно, дядя Стас... – выдавил Арни.

Вид у него вдруг стал странно жалкий, какой-то рассеянный, почти испуг.

– Умер кто-нибудь? – осторожно спросил Стас.

– Да нет, просто... – Арни осекся. Нахмурился, вскинул глаза на Стаса и выдавил улыбку: – Не хитри, дядя Стас! Я все равно ничего не скажу! И еще, я вспомнил.

Еще?.. Ну, спасибо! Это, оказывается, еще не все сюрпризы?

– Что такое? Что еще?

– Еще мои друзья хотят узнать, можно ли снять охрану с... – Арни нахмурился. – С этого... Как его... Блок... Блоко...

– Блокпоста?

– Да! Точно! Блокпоста! Блокпоста на кольцо, вот. Можно? Мои друзья сказали, что его охраняют уже давно, и... В общем, тебе еще нужно, чтобы его охраняли, дядя Стас? Можно уже снять охрану?

– Нет, Арни. Ни в коем случае. Передай своим друзьям, что пусть продолжают охранять блокпост.

– А зачем он тебе, дядя Стас? – спросил Арни. В его глазах вспыхнуло чисто мальчишеское любопытство.

Все же ребенок, совсем ребенок...

– А как выглядят твои друзья? – в тон ему спросил Стас.

– Ну дядя Стас! Ну так нечестно! – засмеялся Арни. – Ты же знаешь, что я не могу этого сказать!

– Знаю, знаю...

Даже затянутое тучами небо было слишком ярким после темноты подземелья. Ударило по глазам, как кулаком...

Щурясь, Стас подождал, пока глаза привыкнут. Обошел фургон. Словно и не было ничего. Только призрачный запах мандаринов, да пара каких-то рваных целлофановых оберток. Стас подцепил обрывок. Овсяное печенье...

Странно. А казалось, что нормальная упаковка, прочная. Ладно, в следующий раз другой фирмы возьмем...

Стас собрал обрывки, закрыл фургон и залез в кабину.

Н-да... Похоже, пресловутые «друзья» Арни совсем-ем не семи пядей во лбу. А может, они вообще – дети? Как Арни? Может быть, чуть взрослее. Страшные на вид, сообразительны на первый взгляд – и наивные до оторопи, если приглядеться...

Может быть, они и правда уверены, что достать «Гончар» так просто?

Вообще, зачем он им? Это же не секвенсор, на самом деле. Его так называют просто по старинке. А так-то «Гончар» – это машинка для сшивки генов. Обычно его используют, когда надо собрать генотип. Взять несколько базовых, выбрать нужные куски, соединить, кое-куда впихнуть что-то сделанное совсем с нуля...

Только чтобы после всего этого получилось что-то нормально развивающееся, одних этих манипуляций мало. Секвенсор, в конце концов, это молоток. Жутко технологичный, но всего лишь молоток. Совсем не волшебная скатерть-самобранка, с которой можно требовать любое создание.

И сначала надо прикинуть, как старые гены будут работать в новом наборе. Хотя бы в первом приближении. Для этого нужны мощные машины, нужны спецы-биологи, генетики, программисты, математики... Целый институт нужен. Вроде тех шарашек, что кормятся под теплым крылышком КГБ...

Нужен целый институт. А сколько друзей у Арни?.. Не говоря уж о том, что нужной квалификации у них просто не может быть. Морфов генной инженерии пока еще не обучают. В последние годы, когда несанкционированная модификация чего угодно, даже новый сорт сои, приравнивается к разработке оружия массового поражения, генной инженерии и не всякого человека-то учить будут...

Тогда зачем им секвенсор?

Ладно, чего гадать. Проще напрямую спросить. Должны, должны они решиться на прямой разговор, без посредничества Арни.

А если все-таки нет... Ну, тогда можно будет поиграть на том, что готовится весенняя зачистка, и есть кое-какие подробности. Но – баш на баш.

Точно. Так и сделаем. А пока есть еще дельце.

Стас завел мотор и покатил в сторону Красной площади. Надо хотя бы с одной проблемой разобраться. Серый забавный шимпанзенок, но обезьян нельзя оставлять в доме одних. Это не дело.

И еще, лучше оборвать контакт быстрее, пока ниточки заботы не превратились в путы привязанности. А то еще взгрустнешь на пороге расставания, заколеблешься, передумаешь – а потом возись с этим рукастым непоседой, как последний идиот...

Собственно, грусть от предстоящего расставания уже тут как тут... Тем более пора!

Стас сбросил скорость. Слева уже начиналась стена торгового центра, впереди виднелся кусок площади. А лишний раз нервировать крыс, охраняющих кремль, не стоит. Хотя они и выдрессированные, а береженого бог бережет.

Машина выкатилась на брусчатку, Стас вжал тормоз.

Нахмурился, еще раз оглядел площадь.

Вот черт...

Пусто. «Сахалина» не было.

Вот ведь некстати! То патруль месяцами сюда не заглядывает, а то нате! Не успели сожрать машину, недели не прошло, – а уже вытянули! Да еще откуда – из самого центра, с самой Красной площади, куда уж год носа не казали!

Вертолетом, наверно... Сверху подцепили. Едва ли вездеход сюда приезжал. Не решились бы генералы... Но, черт возьми, как не вовремя, а?! Когда надо, не дожدهшься, а когда не надо, они тут как тут!

Ч-черт! Стас с чувством выдохнул. Черт возьми... Нету теперь номера машины, нету теперь ниточки к хозяину Серого.

И куда теперь его девать?

Когда в кабинете зачирикал видеофон, Стас скоблил подбородок. Приятное томление перед свиданием на этот раз было куда сильнее. В груди что-то словно щемило даже. Эх, треснуло, треснуло стальное сердечко, как хрустальная безделушка... Дзинь-дзинь... Просто не Крысолов, а какой-то сопливый щенок, влюбившийся с первого взгляда.

Видеофон настойчиво чирикал. Братъ – не братъ? Кого еще черти несут... Не отрывая взгляда от своего подбородка в зеркале – а ничего, мужественный такой подбородок, многим нравится, особенно искательницам приключений, – Стас поболтал бритвой в запруженной раковине, смывая с лезвий щетину.

Видеофон наконец дочирикался, включился автоответчик.

– Оставьте свое сообщение... – начал казенный женский голос и сразу же вклинился голос Живодера:

– Выйди на связь, Крысолов, разговор есть.

Хм... Вообще-то, очередной конвой его товаров назначен на завтра. Тогда же и согласование его новых дел, для которых надобен Крысолов. Что-то срочное подвернулось?

Что ж, хорошо. Лучше переговорить о прикрытии поскорее. Может, Рубаков и не будет ждать три дня, а его ребята нагрянут раньше.

Видеофон не отключался. Живодер терпеливо ждал, не обрывая связь.

Стас вытер лицо полотенцем, накинул халат и вышел из ванной. Щелкнул включателем камеры, подождал, пока оживший объектив поймает фокус.

– Приветствую.

Живодер на экране прищурился, будто ни разу недобритых не видел. Подозрительно как-то прищурился, нехорошо. И лицо, слишком уж серьезное. Случилось чего?..

– Не отвлекаю? – спросил Живодер.

– Нет.

– Точно?

Стас кивнул.

– Хорошо... Вот что, Крысолов. Ты, говорят, с гэбушниками связался?

Та-ак... Похоже, не о внеочередной халтурке пойдет речь.

– Не нужно верить всему, что говорят, – сказал Стас. – Мало ли, какие у меня заказчики...

Но Живодер шулки то ли не понял, то ли не захотел понять. Лицо осталось такое же каменное.

– Вот и я о том же, Крысолов. Мне очень не хотелось бы, чтобы меня заказали. Говорят, ты со свежее испеченным генералом, этим Рубаковым, покорешился. Обещал через три дня подготовить ему что-то. Такое, от чего всем мало не покажется.

Стас с трудом удержался, чтобы не нахмуриться. Черт возьми! Рубаков, конечно, звезд с неба не хватает – но не до такой же степени, чтобы по дороге в пригород выложить своим подчиненным все подробности разговора, не полный же он идиот?!

С другой стороны, если не сам Рубаков, то кто? Разговор же был наедине! Никто его слышать не мог... Если только в доме не затерялся чей-то жучок. Одного из прежних посетителей.

С тех пор, как пошла мода на механизированных, с этим стало совсем туго. Можешь трижды обойти со сканером весь дом, проверить каждую щель. Но если эта крошечная паскуда не сидела на месте, а перебирала своими механическими лапками, и вовремя перебралась с того места, которые ты еще не успел проверить – туда, где ты уже прошел...

Но не жучок Живодера, это точно. Если бы он слышал разговор своими ушами, проблем бы не было. Живодер не дурак, он бы все понял. Получается, Живодер слышал «сломанный телефон». Перевернутый. Случайно перевернутый или специально, это вопрос. Но чей же мог быть жучок?.. Вот уж повезло, так повезло...

Хотя сам виноват. Давно пора было раскошелиться, и на каждого из автоматических уборщиков поставить по сканеру. Пусть ползают, не только пыль сосут.

И еще пару новых докупить. Чтоб не только жилой этаж чистили. Может, какой-то умник оставил жучок не в комнатах, а на лестнице. Что-то очень чувствительное...

Кто же из тех, кто был здесь за последнее время, мог подкинуть жучка? Ох, и влип...

– Молчим, Крысолов... Значит, это правда?

Стас вздохнул. Черт возьми, да уж лучше бы Живодер в самом деле слышал тот разговор!

А что теперь? Как убедить этого парня, что сотрудничать с Рубаковым и, уж тем более, сдавать Живодера гэбушникам никто не собирался? Что Рубакова интересует не его подпольная ферма, а крысы, старые добрые московские крысы? Ну вот как?

Ведь чтобы Живодер поверил, что согласие сотрудничать с Рубаковым – на самом деле простой финт ушами, сначала надо будет убедить его, что Рубаков в самом деле это предложил – про крыс, а не про что-то еще.

В то, что новенького генерала КГБ можно обвести вокруг пальца, в это Живодер еще поверит. Но поверит ли он, что Рубаков настолько дикий, что всерьез думает, будто от крыс так легко избавиться? И едва сев в кресло старого лиса, уже планирует очередной рейд по старому городу, судорожно и наспех...

Тут сам-то в это еле-еле поверил – и то лишь потому, что с Рубаковым лично разговаривал. А если бы услышал от кого-то другого? Решил бы, что баки забивают. Именно так и решил бы.

Нет, нельзя даже начинать все это объяснять Живодеру. Чем сложнее объяснения, тем больше похоже, что это не объяснения, а оправдания. Выдумываешь, Крысолов, накручиваешь небылицу на небылицу...

И тогда будет совсем паршиво. От подозрений Живодер перейдет к уверенности. И тогда мало не покажется.

Живодер вздохнул и покивал – да, Крысолов, значит, все так, как и думал, самые худшие подозрения оправдываются...

– Это не совсем так, – сказал Стас.

– Ах, не совсем?.. – Живодер на миг отвел взгляд в сторону, потом опять посмотрел прямо в камеру. – Крысолов, мы с тобой хорошо сработались. И я думал, что будем работать и дальше. Но всему, видимо, приходит конец. С любителями покрсытничать я не работаю. И еще... Мне не хотелось бы угрожать, все же с тобой было приятно работать, и не исключено, что это все поклеп. Но если вдруг... В общем, ты понимаешь? Если меня, или кого-то из моих ребят накроют в ближайшее время, я буду знать, по чьей наводке. И что-то мне подсказывает, что кого-то не спасут ни хваленые службы защиты свидетелей, ни даже все московские крысы... Мы друг друга понимаем?

– Вполне. Мне тоже было приятно с тобой работать. Жаль, что кое-кто верит слухам больше, чем своим глазам...

Живодер хмыкнул – ну да, как же, так и поверю в эту мину оскорбленной невинности – и отключился.

Стас еще с минуту глядел в черный экран. Весело...

Оскалившись, Стая тряхнул головой. Чертовщина какая-то!

Все как одно к одному! Сначала смерть Рыжова. Потом Рубаков, этот преемничек, тупой до безобразия. Друзья Арни, которым позарез нужен секвенсор, – который даже Прапору не достать, по крайней мере, за разумные деньги.

Теперь еще и главный работодатель дал от ворот поворот. И где-то в доме завелся жучок... Дьявол!

Что за дела? Теряешь хватку, Крысолов?

Стоп. Стоп, стоп, стоп. Надо просто успокоиться.

Ну-ка, расслабились и перестали все валить в одну кучу. Мало-то лет еще для того, чтобы хватку терять. Просто наложилось одно на другое. Раз в год и три мины в одну воронку падают...

Стас медленно втянул полную грудь воздуха, так же медленно выдохнул. И еще раз... И еще... Ни о чем не думать, только ощущать, как скользит воздух по носоглотке. Втянуть, медленно, и выдохнуть, еще медленнее... Пять... шесть... семь...

Вот так. А теперь подумаем еще раз. Трезво. И с самого начала.

Раскладывая каждую проблему на свою полочку, не давая им слиться воедино, в нависший лик враждебного мироздания, вознамерившегося раздавить тебя, именно тебя, – словно делать ему больше нечего...

Итак, что мы имеем? Рубаков. Друзья Арни. Живодер. Жучок.

Пожалуй, жучок свое уже отыграл. Его можно не считать.

Уже лучше, всего три проблемы. Живодер, друзья Арни, Рубаков.

Или, если конкретизировать: нет работы; кремлевские крысы скоро не будут прикрывать твою задницу; и два дня до звонка из КГБ от ребят Рубакова. До момента, когда надо будет принять окончательное решение, что делать. Бежать без оглядки, похоронив всю память о Крысолове – или уходить в подземелья старого города, затаиться там, пока Рубакова не сменят. Не так уж долго должно быть. Весна. Ну, может быть, еще лето... До осени все уже точно кончится.

Но это если удастся договориться с друзьями Арни. А они пока не торопятся звонить...

Откуда-то из-за кресла вылез Серый. Прошелся по комнате, лениво помахивая руками, остановился перед Стасом. Пригляделся.

– О-у-а?

– Да, иногда жизнь – полное дерьмо, – согласился Стас.

Впрочем, обычно если приглядеться – то жить можно. Надо только приглядеться.

Стас вернулся в ванную. Включил кран, сполоснул лицо, обшлепал свежей пеной и продолжил скоблить шею.

Надо взять паузу. Прийти в себя. Когда все валится из рук, любая рутина может обернуться проблемой. Когда начинает казаться, что вся вселенная только и делает, что старается загнать тебя в угол – плохо дело. С таким мотивом на подкорке сам собой начнешь забиваться в угол...

Иногда полезно просто послать все к черту – хотя бы на пару часов. Пусть оно поварится в подсознании, утро вечера мудренее... И хорошо, что есть, чем занять этот вечер. Приятное томление было тут как тут. Даже Живодер его не спугнул.

Интересно, начнет она игру с соблюдения приличий? Попросит проверить какой-нибудь заброшенный домик, только что выкупленный за малую долю того, что Крысолов берет за один «заговор»? Или – с места в карьер?

Стас подмигнул себе в зеркале. В шесть часов не пересечении, значит... Пульс уже поигрывал, и не только пульс.

Хотя дело тут, явно, не только в обычном предвкушении абстрактной свежей красоты. Не только и не столько... Было еще что-то, совсем непривычное. Холодок в груди, словно замер на краю пропасти. И при этом – так и тянет шагнуть... Дурацкое, насквозь противоречивое чувство. Сродни тому почти забытому детскому желанию расшатать чертов молочный зуб, когда снизу режется коренной. И больно, а все равно давишь на зуб языком, и раскачиваешь, раскачиваешь его, морщаься от боли, но продолжаешь выкорчевывать...

«Клиентка» не спешила.

Стас поглядел на часы, вылез из машины и открыл багажник.

Фургон Марти он отогнал на стоянку «Коренного москвича». Сюда, на пересечение Трифоновской и Октябрьской, он приехал на своей «ниве» с хромированным бампером, похожим на защитную маску хоккеиста.

Достав сканер, Стас пошел вокруг машины. В принципе, Марти парень надежный... И все равно, лучше проверить. Доверяй – но проверяй. В конце концов, на служебной стоянке там не только Марти гуляет. А прецеденты были, были прецеденты. Последний вот только сегодня утром...

И хуже всего, что на лестнице жучка не оказалось. И в комнате для гостей не оказалось. И в коридорах возле лестницы. Точнее – найти не удалось. Может, уполз уже в какой-то дальний угол и наглухо забился в какую-нибудь щель? А может, все еще на лестнице, но какой-то хитрой конструкции. Отключается, заподозрив поиски, а корпус с активной защитой от наводок сканера... Может что-нибудь такое быть?..

Серый, увязавшийся несмотря на все старания оставить его дома, тоже вылез и теперь мешался под ногами.

– Уйди, шерстяной, в ухо дам, – пообещал Стас с самым мрачным видом.

Серый радостно заулюлюкал, шлепая своими толстыми губами, и нырнул в машину. Перемахнул на заднее сиденье, прижался к стеклу и глядел оттуда с самым ехидным выражением.

– Ыпа-ыпа-от? – глухо донеслось изнутри.

Такое ощущение, что понял. Если не по смыслу, то по интонации-то точно угадал.

Ладно... С проверкой, вроде, все. Чисто.

Стас забрался обратно в машину, кинул сканер назад, снова покосился на часы. Стрелка уверенно шла на седьмой круг. А девчонки все не было.

Ладно, подождем. Стас оживил плеер, пустил случайный выбор по всем терабайтам карточки. Процессор подкинул незримую монетку пару десятков раз... и из динамиков полилось что-то тихое и неспешное:

*Close your eyes and look at me,
I'll be standing by your side...*

Удачно.

Стас закрыл глаза, давая мелодии подхватить и повлечь куда-то, как несет травинку ленивый ручей, кружа ее в медленном танце...

*You don't have to hurry,
You don't have to try,
You don't have to care,
Walking on air...*

И все-таки – почему именно здесь? Край обжитой зоны, не так уж далеко от Садового кольца. Что здесь есть такого? Даже гостиницы рядом нормальной нет...

Стоп. Есть. И даже с роскошными номерами. Для делегации Евросоюза. Когда господина президента предвыборный петух в задницу клюнул, и ребят погнали зачищать старый город, сюда из европ привозили дюжину старперов, чтоб пускали потом там пыль в глаза.

Для них какой-то дом чуть не с нуля перестроили – это на самом-то краю жилой зоны. Теперь, до очередного рейда наших вояк в центр и сопровождающего завоза европейских курортников, эти номера даром никому не нужны. Шикарные, но стоять должны копейки. Кого из толстосумов понесет ночевать почти в старый город...

– О-у-а?

За руку нетерпеливо дернуло. Стас открыл глаза.

В зеркале заднего вида приближался силуэт.

Она была в карминном плаще поверх черного брючного костюма, тупоносые сапожки по последней моде, на голове серебристо-голубоватый платок и темные очки. А эта легкая, почти невесомая походка...

Стас невольно подобрался. Да, это к нам... Он быстро оглядел машину. Все в порядке, вроде бы. Вот только Серый – скалится всеми своими здоровенными зубами.

– Эй, шерстяной. Веди себя прилично.

– Ыпа-ыпа-ва! – тут же выдал шимп и врезал лапами по спинке стасова сиденья.

– Я тебя предупредил, – добавил в голос баса и жесткости Стас.

Серый фыркнул и с головой залез под плащ. Обиделся, что ли?

Хотя черт его разберет. Он спит, как сурок. Да малыши и должны так спать – часто и глубоко. Молодой мозг еще только учится думать, все вокруг новое, все это требуется переработать, разложить по полочкам...

Стас перегнулся через сиденье и открыл дверцу.

Девушка села. Покосилась, чуть улыбнувшись. Откинула платок. Сняла очки.

– Привет. Узнал?

Стас медленно кивнул.

– Привет, Ритка.

– Мне так не нравится. Если уж так хочется сокращать, сокращай по первой половине.

Стас потер щеку, скрывая улыбку.

– Ладно, Марго.

– Ну а как мне тебя называть? Крысолов – или все-таки Стас?

Стас опять потер щеку. На этот раз другую. Улыбку скрывать не требовалось – ее и не было. Кто сказал, что прошлое уходит? Оно лишь затаивается, чтобы вынырнуть из-за угла, когда меньше всего ждешь.

Только как же она нашла? Допустим, узнать телефонный номер Крысолова не так уж сложно, – но откуда она узнала, что Крысолов это тот самый парень, который когда-то дрессировал животных на подпольной ферме ее отца, пока не разошлись их пути-дорожки?

– Так как же? – спросила Марго.

– Смотря кто тебе нужен, – сказал Стас.

– Даже так? Вы весьма любезны... – Марго помолчала. – Мы так и будем сидеть в машине, или куда-нибудь поедem?

– А куда бы ты хотела поехать?

– Не знаю. Просто по городу. Мне нравится, когда меняется вид...

За окнами медленно ползли окраины – уже не старый город, но еще и не пригороды. Еще не жизнь, но уже и не пустошь...

Стас изредка поглядывал на Марго. Сложив на груди руки и уставившись куда-то вперед, далеко за лобовое стекло, она неспешно говорила. Голос у нее был низкий и бархатистый.

– ...меня тогда все почему-то приняли за парня, а меня это прикололо, и я составляла фразы таким образом, чтобы ничто в них не указывало на мой пол... Было весьма забавно. Парни разговаривали со мной на равных о музыке, об играх, без снисходительного тона и всяких нежностей. Девочки, ищущие приключений, безуспешно пытались меня клеить, удивляясь безмерно, почему я не реагирую на их миленькие лики... Так я развлекалась, а когда я сообщила, что я вообще-то девушка... Мужская половина тут же начала интересоваться возрастом, внешностью и тому подобным, моментально забыв, что только что у нас были и другие темы для разговора, а девочки оскорбились беспредельно...

Стас глянул в зеркало заднего вида – кажется, далеко позади мелькнула белая машина. На почти пустынных улицах каждая машина бросалась в глаза. И кажется, несколько минут назад сзади уже маячила одна белая машина. Та же? Кто-то следит?

– Для меня тогда это была всего лишь очередная ролевая игра, почти как обычный компьютерный вирт... – сказала Марго. – Я вообще люблю ролевые игры... Я не искала романтических знакомств, мне просто нравилось общаться с людьми, которые в сущности были тенями, отражениями людей, существующих в реальности. А потом у меня стали складываться какие-то не совсем нормальные отношения с некоторыми собеседниками. Мы стали общаться уже не через голоса-шкурки, а своими собственными. И в какой-то момент я поняла, что это перестает быть игрой, но отчаянно продолжала за нее цепляться... Все окончательно рухнуло, когда мне надоели домогания по поводу внешности, и я пару раз сбросила видеошкурку. Их восхищение, так надоевшее мне в реальности, тут же заставило их позабыть обо всех прочих достоинствах, и они стали общаться со мной, как с десятками всех этих милашек, куколок, кисок et cetera...

Стас опять почесал щеку. Правую.

Кажется, Марго не заметила. Меланхолично и неспешно продолжала:

– Что ж, может быть, я действительно одна из них, и на самом-то деле ничего из себя не представляю...

Марго кинула на Стаса быстрый взгляд.

Ох уж эти женщины, особенно юные... Даже вполне искренно жалуясь на то, что в них видят только человеческих самок, – все равно будут проверять, какое впечатление они производят на мужчину...

– Ты в самом деле так думаешь? – спросил Стас.

Черт его знает, лукавит она или нет...

В юном возрасте мир кажется полным чудесных людей, один умнее и тоньше другого. Там, где взрослый видит глупость и ограниченность, умная юница подозревает мудрость, недоступную ей – из-за ее малого, как она уверена, возраста и опыта. Все кажется глубже, сложнее... И даже когда кто-то откровенно тупит, она будет уверена, что он просто играет, прикидывается...

Потом это проходит, к счастью. Или к сожалению? Иногда это очень здорово – верить, что за скрывшими небо тучами есть сверкающие звезды. Верить, даже если за тучами никаких звезд нет...

– Я не знаю, – сказала Марго, пристально глядя на Стаса.

На этот раз точно не лукавит.

Или кто-то совсем ничего не понимает в людях...

Марго снова уставилась сквозь лобовое стекло. Снова медленно и неспешно потекли ее слова, как упавшие в ленивую реку золотые листья.

– Тогда я, помню, ужасно разозлилась, но приняла новые правила игры. Уж если быть такой, какой *должна* быть *нормальная* девушка, то есть без претензий на что-либо, то нужно быть лучшей... Как-то я посетовала на это человеку, с которым была давно знакома, на что он удивленно ответил: добилась всеобщей любви, а теперь жалуешься?

Стас на миг оторвался от дороги, стрельнул глазами по Марго. Хм... Интересно, что за человек?

Сколько прошло? Три года?.. Нет, больше... Черт возьми, уже почти четыре года пролетели!

Пожар был осенью. Значит, три с половиной года. Почти четыре...

А четыре года бывают разные. Одно дело со ста до ста четырех, и совсем другое с тринадцати до семнадцати. В этой девушке было что-то от той Риты-Ритки-Маргаритки, Рикки-Тики-Тави. И все-таки это уже совсем другой человек. То была девчонка. Уже в периоде созревания, но все-таки еще совсем девчонка...

Теперь...

У ее отца прекрасный вкус на женщин. Своей матери Марго, наверно, даже не помнит, но вокруг ее отца всегда были женщины – и какие женщины...

Да уж. У Марго было, с кого брать поведенческие паттерны, выражаясь суконным психологическим аргю.

– Не знаю, почему говорю все это тебе... – сказала она. – Прости, наверное, я грузю...

Ну и что тут ответишь? Обычно лучше всего работает что-то чуточку ффривольное. Мужчины любят глазами, женщины ушами...

Но это – обычно. А Марго жаждет наоборот... Чтобы разглядели личность. Безотносительно к тому, что это личность женщины... Тогда – честно?

– По-моему, ты слишком серьезно все воспринимаешь, – сказал Стас. – Твой отец в курсе, где ты сейчас?

– Нет, конечно!

Стас еще раз глянул в зеркало заднего вида. Кажется, вдали, на совершенно пустой улице, опять мелькнуло что-то белое. Но если там что-то и было, то уже скрылось. А может, просто показалось? Из-за этого жучка на лестнице, который то ли не нашел, то ли его вообще нет... У страха глаза велики.

Но, однако, три раза – это уже слишком для шуток подсознания.

Ладно, ничего. На заднем сиденье есть сканер. Пройтись по Марго и ее сумочке – минута. Если на ней жучок, обнаружить его не проблема.

Только делать это надо в нужный момент. Чтобы те, сзади, не успели сообразить.

– Решила пожить самостоятельно? – спросил Стас.

– Ты хотел сказать, перебеситься? – улыбнулась Марго. – Неужели на самом деле я самая обычная девчонка, и все мои мысли, все мои чувства так предсказуемы и так банальны?

– Начнем с того, что перебеситься требуется далеко не всем. А тем, кому требуется – у всех по-разному... – Стас, помолчав, хмыкнул. – Но только если мы это продолжим, то далеко зайдем.

– Не любишь философствовать?

Стас сморщился, глядя на пустую дорогу.

Любишь, не любишь... Не в этом дело. Это и объяснить-то толком трудно. Просто любые философствования через пару веков оказываются чушью, от которой пальцы в ботинках под-

жимаются. От смешных до оторопи аристотелевых движений и кантовых абсолютов, и до тоскливых словоблудий всех этих французских трескунчиков, со всеми промежуточными остановками... А, ладно. Не сейчас.

– Знаешь, что такое взрослеть?

– Хм... – Марго улыбнулась. – Ну и что же?

– Это значит, свыкаться с компромиссами. С тем, что когда ты вырастешь, ты не изменишь мир, не сделаешь его совершенным. Что не облагодетельствуешь людей своей мудростью. Что войны не остановятся. Что родная страна вечно будет жить в дерьме, а в родном городе всегда будут ужасные дороги. Все больше и больше компромиссов, во все стороны, все шире и шире, все существенней и непоправимей... Пока не упрешься в то, что и сам-то ты далеко не идеален, и с этим ничего не поделать... Ну что, и кто из нас грузит?

– Я знала, что найду в тебе достойного собеседника, – сказала Марго с улыбкой.

– Да?..

Главное, не забывать постепенно забирать к Садовому кольцу. По чуть-чуть, чтобы это было незаметно тем, в белой машине. А потом выкинуть жучка из сумочки Марго и нырнуть к кольцу напрямик. А за кольцо они черта с два сунутся. Кишка тонка.

– Как ты меня нашла, кстати?

– Пусть это будет моей маленькой тайной.

– Хм?.. – Стас задрал бровь. – Вы очень любезны, как однажды сказала мне одна милая сударыня.

– Не называй меня милой, мне это не нравится.

– Ладно. Пусть это будет твоей маленькой тайной. Тайна красит женщин...

Марго все-таки фыркнула.

Стас кинул взгляд в зеркало – что там сзади?

– А зачем я тебе?

– Я тебе уже надоела? Со мной так неинтересно?

– Я этого не говорил.

Марго пожала плечами. Ее взгляд расфокусировался, опять улетел куда-то далеко вперед...

– Мне захотелось вырваться из привычной колеи... Вот я и приехала из нашего имения в Москву. То есть в пригород, как это у вас тут называется... Но оказалось, что здесь все то же...

Ее голос был медленным и неспешным, бархатистым, как теплая волна, лениво набегающая на прогретый солнцем песок. Он успокаивал. Расслаблял. Напряжение, все проблемы, все эти чертовы рубаковы, живодеры, секвенсоры уходили куда-то, уносились прочь, как лоскутки пепла с бушующего костра.

– Лишь чуть больше ресторанов и дискотек. Только знакомых нет. С этим надо начинать заново. А так – все то же... Мне стало скучно. Я вспомнила о тебе. Вот так.

– А почему именно обо мне?

– Не знаю... – Марго пожала плечами. – Наверно, потому, что ты единственный, кого я могу поставить в один ряд с отцом.

– Это комплимент?

– Это правда. Я же помню, как вы с ним сцепились, когда он захотел определить и ту маленькую гориллу для своего клуба гладиаторов. Помнишь, ты его еще звал Арни? Милый такой, почти как человеческий малыш, даже говорить мог... Я не видела больше никого, кто бы осмелился ему возражать. Да еще так... Иногда мне даже интересно, чем бы все закончилось, если бы не случилось того пожара... Да?

Стас потер рукой щеку. Левую. Какие уж тут улыбки... Пожар случился, видите ли... Да будет вам известно, милая леди, что кирпичи просто так никому и никогда на голову не падают... Стоп!

Стоп. К вопросу о секвенсорах.

Только тон надо поленивее, будто из вежливого интереса.

– А что, отец все тем же занимается?

– Нет, тот пожар нанес слишком большой урон. Ему пришлось искать какую-то сложную машину. Ты, наверно, знаешь, – какой-то прибор, чтобы работать с геномом. Но с этим вышли проблемы, весьма серьезные. Отец только полгода назад смог найти все нужное. За это время все люди из проекта разбежались, теперь все начинается по новой. А что? – Марго оторвалась от пустынной дороги. – Хочешь поработать на него?

– А ты не советуешь?

– Честно?

Стас кивнул.

– Пожалуй, мне бы хотелось, чтобы ты приехал погостить к нам... Но не советую. После того, как ты уехал, отец решил, что это ты и устроил тот пожар. Особенно когда удалось поймать почти всех тварей, разбежавшихся при пожаре. Или найти трупы. А той обезьянки так и не нашли...

Да, не дурак Граф, не дурак. Все верно.

Значит, и эта ниточка к секвенсору не выведет. А жаль. Если секвенсор у Графа есть, но еще не в работе...

Особенно если Граф восстановил свою ферму на прежнем месте, в прежних зданиях и с прежней системой защиты... и имея полный доступ ко всему, как в старые добрые времена... Жаль, что и тут не срослось.

– Мы так и будем кружить, или куда-нибудь поедем? Я уже проголодалась, если честно. Правда, что ты живешь там? – она дернула носиком на юг, к центру старого города. – Почти один?

– Не почти, а совсем. Если не считать крыс.

– Покажешь?

Стас покосился на Марго. Черт их разберешь, этих женщин... То страдают, что за прелестной мордочкой не видят больше ничего, а то... А если вдруг она правда из одного только интереса? Природоведческого.

А если не из абстрактного интереса, и ждет, что все пойдет так, как и должно идти в таких случаях?..

Ладно, там видно будет.

– Возьми на заднем сиденье сканер и проверься. Умеешь?

Марго кивнула.

Ну да, конечно. Должна уметь. Тогда, четыре года назад, она была ужасной тусовщицей. Море друзей, океан знакомых. Все же Граф – большой человек в Пензе. Да и сама Рита-Ритка-Маргаритка было очень даже ничего уже тогда... Или она уже тогда требовала звать ее Марго?

Граф позволял ей многое, но минимальной гигиены требовал. При его роде занятий иначе нельзя. Марго ловкими движениями обвела себя сканером, проверила сапожки, полы плаща, сумочку... Нахмурилась.

– Интересно... Я проверялась, когда уезжала из дома. И делала, кажется, все по правилам... А вот сюда сканер зря не взяла. Получается, он меня уже нашел... Или у вас здесь жучки ко всем подряд клеят?

– По-разному бывает... Нашла его?

– Да.

Марго протянула крошечный передатчик. Даже не передатчик, а так, маркер – совсем маленький, без микрофона. Только чтоб положение определить.

– Не переживай... – Стас приспустил стекло. – Сейчас опять потеряешься.

Едва ветер сорвал маркер с ее пальцев, он рванул к кольцу.

Белоснежный «пежо» вынырнул за квартал до Садового. Встал поперек дороги, намертво преградив путь.

– Вот и потерялись, – сказала Марго.

Стас заглушил мотор.

Дверца «пежо» открылась, показался большой выбритый череп. Знакомый...

С голубовато-стального пальто можно пылинки сдуть. Такое белое, что почти светится, кашне, брюки с идеальными стрелочками. А сверкающие туфли он, наверно, только что платком натирал.

Чистюля огляделся, захлопнул дверцу и повернулся к ним.

– Посиди, ладно? – попросил Стас.

Сунул руку под полу, взвел курок «хека» в кобуре под мышкой.

Правда, бесполезно это, скорее всего... Гуляли слухи – которые, увы, скорее всего никакие и не слухи – что Чистюля, до того как стать Чистюлей, успел побатрачить на родину. В особо извращенной форме. Один из тех бедолаг-спецназовцев, которым пробовали вшить нейросеть – прямо под череп, распределив электроды по всем отделам мозга. Чтобы при первом подозрении на критическую ситуацию наводила нужную мозговую активность и держала этот паттерн, сколько надо. Улучшение реакции, отмена физиологических стопоров... Nitroman. Турбо-режим с отключенными предохранителями... Через год из роты осталось меньше взвода – это тех, кто не подошли. А тех, кто при этом еще и не свихнулся...

Чистюле повезло дважды. Во-первых, что не развалился телесно от сдвига физиопорогов. Во-вторых, что голова осталась соображать – а соображала она до этого более чем... Говорят, лучший ищейка из тех, что связываются с делами в старом городе.

Связывается – потому что нейросеть у него так и осталась. Мгновенная реакция никуда не делась. Так что хоть взводи, хоть не взводи. В ковбоев с ним играть бесполезно.

Остается лишь надеяться, что в киллеры он еще не перепрофилировался. А погоняло-то самое то...

На всякий случай Стас вынул карточку зажигания из панели – мало ли, что Марго в голову взбредет – и вылез из машины.

Чистюля вынул руку из кармана и протянул Стасу.

Что ж, не так плохо, как могло бы быть. Похоже, сразу убивать не будут.

Стас пожал суховатые и сильные пальцы.

– Привет, Чистюля. От Графа?

– Приятно иметь дело с умным человеком.

Сзади хлопнула дверца. Марго, черт бы ее побрал... Просили же посидеть!

Стас обернулся – но это была не Марго. Из задней дверцы выбрался позевывающий и потягивающийся Серый. Вот сурок! О нем уж забыли давно...

Чистюля, прищурившись, разглядывал Серого. Серый сложил губы трубочкой, глядя на Чистюлю, и радостно оскалился. Провел рукой по своей макушке и указал на Чистюлю:

– Ыпа-ыпа-от!

– Посмейся, мартышка, посмейся, – пробормотал Чистюля, и тоже ухмыльнулся. – Не все коту масленица...

Та-ак... Прямо шерочка с машерочкой... И откуда это дурацкое ощущение, что чужой на этом празднике жизни? Пропустил что-то, что ли?

Но Серый уже потерял интерес к лысому черепу. Пошел вокруг «нивы», помахивая лапами и разглядывая дома по сторонам.

Чистюля перевел взгляд на Стаса. Уже без улыбки.

– Ну и что же мы будем делать?

Стас присел на капот «нивы». А ведь у Чистюли-то ситуация тоже та еще. Дураку ясно, что Граф его нанял выловить Марго в пригородах и отвезти обратно в Пензу. И Чистюля пошел бы против всех принципов, если бы не взял аванс...

Теперь должен отработать. В некоторых профессиях возвращать авансы не принято.

Но он ведь – к счастью! – пока еще не знает, что Живодер отвалил. А ссориться с Живодером Чистюле не с руки. Он же вольный стрелок – как и некоторые... Одиночка. Сам по себе, нейтралитет со всеми и особенная вежливость к тем, кто держат масть...

Чистюля достал из кармана маленький не то портсигар, не то футляр. Щелкнул крышкой, протянул Стасу. Внутри лежали белые подушечки, смахивающие на обычную жевательную резинку.

– Кофеиновые?

– Никотин.

Чистюля положил в рот одну. Стас взял себе. В небольших дозах, если не привыкать, очень даже ничего. Пусть подстегнет синапсы.

– Ну так что же мы будем делать? – спросил Чистюля. – В центр города я ее не пущу.

– Она же со мной будет.

– Это меня и беспокоит.

Стас поднял брови – что за шифровки?

– Все уже знают, что Рубаков на тебя насел.

– Ну и что?

Чистюля в упор взглянул на Стаса.

– Не финти, Крысолов. Если думаешь, я тут расшаркиваюсь потому, что не хочу связываться с Живодером, потому что ты у него такой ценный работник... Так сдастся мне, он с тобой уже распрощался.

Стас хмыкнул. Вот ведь мозгляк... И как такой в спецназ-то угодил? Служил же там, и долго...

Можно, конечно, попробовать блефануть. Думки думками, но точно знать Чистюля не может. И если хорошо блефануть... Можно. По крайней мере, попробовать.

Но стоит ли?

С некоторыми людьми лучше говорить честно. Рыцарство не рыцарство, но что-то вроде. Если ты с ними по-человечески, то и они с тобой по-человечески. Это и их сила, и их слабость. Выложив на стол слабые карты, получаешь гарантию, что тебе не привезут десять взяток на мизере. Благородство, черт бы его побрал...

– Если знаешь, чего так миндальничаешь?

– Да не в Живодере дело, Крысолов.

– А в чем?

Чистюля осклабился и подмигнул.

– Хороший ты парень, вот что.

Та-ак... Ему что же, нужно что-то, что может сделать только Крысолов? Баш на баш?

– Ну да, крысы меня не любят...

Ухмылка Чистюли стала еще шире.

– От ненависти до любви... – Он опять подмигнул. – Ладно, не ломайся. Циничного изверга из себя строить раньше надо было...

Зажмурив правый глаз, Чистюля сделал из пальцев пистолет и прицелился в Серого, с интересом притихшего рядом. Изобразил отдачу.

Серый показал зубы. Чистюля беззвучно расхохотался.

Хм... Приехали. Делаешь себе имидж, делаешь, ночами не спишь, лишь бы волк-одиночка убедительный получился, – а потом какая-то лысая ищейка, которую ты вчера первый раз в жизни видел, без труда раскладывает тебя по полочкам. Парик и накладные усы туда, муляж стального сердца сюда, сентиментальные потроха в баночку с нафталином... От ненависти до любви, говоришь... Интересно, сколько еще людей, о которых ты ни сном ни духом, потихонечку собирают на тебя инфу – и, кажется, делают верные выводы, сложив два и два?..

– Ну так что? – спросил Чистюля.

– Если пара часов не сломает планы отца русской демократии, то хватит играть в шпионов. Куда ее привезти?

Чистюля нахмурился. Прищурился.

Стас не отводил глаз, держал его взгляд. Давай, Чистюля, давай! Сказавши аз, говори буки. Час времени тебе погоды не сделает.

А Марго, похоже, может кое-что рассказать о секвенсоре – и этот наверняка из новых моделей. Старый-то тогда точно сгорел. А этот, может, еще даже не распаковали, так и пылится в одном из особняков Графа где-то под Пензой. Не сказать, чтобы совсем уж реальный шанс, но...

– Или хочешь тащить ее силой? – спросил Стас.

Чистюля вздохнул.

– Ладно.

Он покопался в кармане, достал упаковку с маркерами, вытряхнул один на ладонь и прицепил Стасу на грудь – на самую серединку, чтобы перед глазами, и случайно не стряхнулся.

– Только в центр не катайся.

Чистюля развернулся и пошел к своему «пежо». Чистенький, выглаженный, благоухающий.

– Ты тоже неплохой парень, – бросил Стас вдогонку.

Чистюля отмахнулся, сморщившись как от зубной боли.

Стас ухмыльнулся. Что, Чистюля? Тоже не нравится, когда маску крутого парня отдирают от лица?

– Кто это был? – спросила Марго.

«Пежо» развернулся и растворился в сумерках.

– Это человек, который отвезет тебя обратно к отцу.

– Ты уверен?

– Уверен.

– Спасибо за заботу... дядя Стас.

Стас завел двигатель и медленно покатил вперед.

– Неужели нельзя бросить все это? – впервые за вечер в ее голосе проскользнуло настоящее чувство. – Просто бросить... Знаешь, иногда вдруг словно открывается другая пара глаз, и видишь, как эта рутина плывет вокруг, навязывает свои правила игры. Все эти люди вокруг, они словно белки в колесе. Работа, ночной клуб, дом, завтрак, работа, ночной клуб, дом, завтрак... Ни шагу в сторону. словно это не жизнь, а цепочка постоянных «должен». Даже развлекаясь они не отдыхают – просто еще одну повинность отбывают. Должны провести вечер в ночном клубе, изображая отдых... Как механизмы. А ты вдруг словно высовываешь голову из воды и смотришь на все это со стороны. Сверху. И хочешь сделать шаг в сторону. Вспо-

минаешь парня, который ближе всего к поверхности. Которого можно попробовать уговорить высунуть голову из воды вместе с собой. Находишь его...

– И этот человек твоей мечты тебя предает, – закончил за Марго Стас. – Потому что вертится, как скунс меж охотничьих псов.

Она, застыв, глядела на него. Стас вздохнул.

– Так обычно и бывает, Марго... Когда у одного все замечательно и приходят мысли о вечном, у другого запарка на работе.

– Ты меня утешаешь?

– Не тебя, Марго... – Стас кисло усмехнулся. – Себя.

– Это обнадеживает.

– Не надейся. Слишком уж невовремя. Слишком много проблем, и все неожиданно, и одно другого хуже... Кстати, как ты меня нашла?

– Ты уже спрашивал.

– Это не ответ.

– Я заметила.

Стас взглянул на Марго.

– А я думал, юная леди должна быть вежливой.

– А мне говорили, в женщине должна быть тайна, – невозмутимо парировала Марго в тон Стасу. Оглянувшись назад: – А это кто?

Серый восседал на заднем сиденье, по-турецки сложив ноги и накинув на плечи стасов плащ, и прислушивался к разговору, переводя взгляд с него на нее и обратно, будто теннисный матч смотрел.

– Так, дворняжка...

– Иди сюда, – Стас похлопал себя по колену.

За окном краснела луна. Похоже, близилось полнолуние с полутеневым затмением – цвет был совершенно кровавый.

Стас намазал на кусок багета сыра, откусил, прожевал и пригубил вина. Вкус восхитительный, а на душе все равно погано...

– Ну иди! – позвал Стас.

Серый мялся в сторонке и подозрительно шмыгал носом. Запах вина на него так подействовал, что ли? Неужели его хозяин был абсолютным трезвенником, и Серый первый раз в жизни видит вино?

Странно, странно...

Серый наконец-то подошел. Стас вручил ему кусок хлеба с сыром, усадил на колено, дотянулся до торшера и включил свет.

– Ну что, дворняга? Тряхнем стариной?

Лучше бы, конечно, не вспоминать азы сравнительной анатомии, а отвезти тебя, шерстяной, на полное генетическое сканирование. Но что-то у нас с тобой не сложилось. Вроде, и спрашивал у Марти про подходящего человека... Ведь точно же спрашивал... Но в памяти почему-то не осталось ни адреса, ни имени...

А, ну да! Чертов байкер! Прервал в самый неподходящий момент.

Серый, косясь на бокал и бутылку вина, высунул язык и осторожно, как сапер перед миной, попробовал синеватую плесень на сыре.

– Ну, как? Не смертельно?

– Ыва, – удивленно признал Серый.

– Еще бы не йва! За такие-то деньги!

Ладно, приступим. Итак, что у нас? Голова большая. Как у растущих особей.

Так. А это у нас что? Если ребенок, то почему такая относительно развитая мускулатура? И почему на спинке полоса совсем уж седоватой шерсти?..

– Серый, а ты ведь не мальчик. Ты как минимум дядька. А?

Серый повернулся к Стасу и протянул пустой кусок хлеба.

– Ыва! Ыва-ыва!

– Что, распробовал? Понравилось?

Стас намазал на хлеб еще сыра. Серый зачавкал с новыми силами. Стас провел рукой по покрытым шерстью плечикам, по шее, – все нормально, карликовый шимпанзе, вполне обычный. А вот голова явно морфированная.

Поэтому и кажется, будто это подросток, а не взрослая особь.

Стас пробежал пальцами по черепу. Необычные выступы над теменной долей, а уж какой над лобной... Ну да, все верно. На дурака Серый не похож.

Серый обернулся и опять протянул кусок хлеба – пустой.

– Ыва!

– Хватит, обожрешься.

– Ыва! Ыва-ыва!

– Хватит, я сказал, – Стас добавил басов.

Развернул Серого лицом и взялся за его челюсти. Серый нахмурился и напрягся, – кажется, ожидал какого-то подвоха.

– Не дергайся, – попросил Стас. – Все нормально, все хорошо... Только посмотрим, что тут у нас...

Челюсти тоже сильно морфированы. И мимических мышц на морде больше, чем у обычного шимпанзе. И глотка...

– Ну-ка, открой рот шире. Скажи ы-ыва!

Серый стрельнул глазами в сторону остатков сыра и заулыбался.

– Ы-ыва!

– Еще разок. Ы-ы-ыва!

– Ы-ы-ы-ыва!!!

– А вот орать не надо...

Стас вздохнул. Всех деталей за короткое разевание не рассмотреть, но и этого достаточно.

– А ведь ты мог бы говорить, если бы тебя научили...

Ну что за люди? Это же такая зверюга могла получиться! Лучше иного деюрного хомо сапиенса. Но нет, ничего для этого не сделали.

А началось все, наверняка, с того, что получали Серого контрабандой. И первые месяцы жизни – самые важные для формирования коры – крошечная обезьянка провела или в тесной клетке-коробке, с кляпом во рту, или привязанная за лапу к батареям, пока подвыпившие ребята резались в карты, квасили и болтали по мобильникам, подыскивая клиента для дорого товара...

Как Граф. На четвертом году жизни Арни захотел сделать из него еще одного гладиатора для своего клуба. Из милого умного Арни. Маленького ребенка, если не считать шерсти, надбровных дуг и мускулов, которым позавидовал бы и его тезка...

– Ыва? – уточнил Серый и робко дернулся, намекая, что неплохо бы и отпустить.

Но может быть, еще не поздно, если заняться? Время, конечно, сильно упущено, но... Черт, ну почему он не попал в руки в первые недели, а?!

– Лобные доли, да вместе с такой глоткой... Тысячу слов запросто. А, Серый?

– Ыва!

Обожрется ведь. Ест как собака, без меры, – пока есть, что есть... А, ладно! По всему выходит, что завтра вечером придется рвать когти. Иначе Рубаков заподозрит неладное,

и его ребята возьмутся всерьез. И тогда уж простенькими психологическими финтами от них не отделаешься.

– Да на, на, жри... Теперь тебе нескоро еще такого сыра пожевать выпадет... – Стас подвинул к Серому пластиковую упаковку с сыром, дал ложечку. – Справишься?

Серый вырвал ложку, пробурчал что-то и стал набивать рот. Распробовал, паразит.

Стас потрепал шимпа по голове. Под рукой чувствовалось, как ходят мышцы. От нижних челюстей, они скреплялись на самой макушке. Если укусит, так укусит, похлеще иного бультерьера.

Только разве спасло его это от сволочного хозяина, превратившего в обычную бессловесную тварь?..

– Ладно, Серый, ладно... Теперь-то тебя в обиду никому не дадим, а?

Серый перестал жевать. Положил кусок хлеба. Медленно обернулся.

Стас поежился. Взгляд был из тех, от которых вспоминаешь – с жалкой ухмылкой, которая самого не убеждает – анекдот про хитрого исследователя, вышедшего из комнаты, чтобы подсмотреть в замочную скважину, чем будет заниматься обезьяна, когда решит, что предоставлена самой себе, и никто за ней не наблюдает...

Может, говорить он и не умеет. Но такое ощущение, что понимать что-то понимает. И думать тоже умеет.

Стас убрал руку с его макушки. Как-то неправильно это было – снисходительно треплющая рука на макушке существа с таким взглядом...

Стас пересадил Серого с колен на соседний стул, прошел в комнату. Есть и еще дела... Для начала, неплохо бы почистить верные «хеки». Техника хоть и немецкая, а ухаживать все равно лучше регулярно. А то ведь неизвестно, когда в следующий раз выпадет свободная минутка, сухой стол и масляная тряпка.

Завтра-то денечек будет тот еще. Надо что-то решать, наконец. Послезавтра Рубаков начнет тревожиться, а на Живодера теперь надежды нет. И схрон пожрали, гады шерстяные...

Стас стиснул рукоятку, так и притягивавшую руку. Пострелять, может? Заодно и прицелы подъюстировать... Когда пристреливал целеуказатели последний раз? Месяц назад? За это время могли сбиться.

Стас прихватил второй и пошел на нижний этаж.

Сны убежали рано.

За окном был еще рассвет, а спать уже не хотелось. Но это было хорошее пробуждение. В голове было ясно, тело отдохнувшее и свежее. Будто испуганное подсознание подстегнуло организм, и тот включился на повышенную передачу, мобилизовав все резервы. Это хорошо.

Серого в ногах больше не было. Уже проснулся и где-то гулял по дому. Интересно он спит, этот морф. Часто, несколько раз в сутки. Так спят малыши – мозг молодой, кора еще только формируется, новых впечатлений море, и требуется часто отгораживаться от мира, чтобы привести это все в порядок, набросать ассоциативные связи, утрясти, закрепить...

Но Серый-то уже не ребенок. Тогда что у него? Синдром хронической усталости? Непохоже.

Чисто теоретически, это может быть побочка усиленной мозговой активности. Если генетически заложилось, что прокапывает ассоциативные связи глубже, чем обычные шимпы, выуживает более хитрые закономерности... Это бы что-то объясняло. И жрет он вон сколько, а не толстеет. И голова горячая, под сорок градусов.

Эх, если бы его дрессировали как надо! С таким-то генотипом! Хотя нет, тут уже слово дрессировка не очень-то применимо. Скорее, обучение. Воспитание. Как с Арни...

Стас лежал, глядя в светлеющее окно.

Тихо, спокойно. Привычно. Хорошо...

Знать бы еще, где придется проснуться завтра. Факт, что не здесь. Прощай, home sweet home.

Стас повернул голову, чтобы взглянуть на будильник – и в этот момент зачирикал видеофон.

И предчувствие было тут как тут. Потому что кто еще мог звонить в такую рань?..

Стас слез с кровати и рысцой пробежал в кабинет. Там отключил открывший было рот автоответчик и встал поближе к камере, чтобы видно только лицо.

– Привет, Крысолов, – сказала небритое лицо, заполнившее всю стену.

Изображение на экране было в мелких квадратиках – мобильный у него старый. А может, он этого и не замечает? Едва ли у него дома видеопанели во всю стену, чтобы недостатки камеры стали заметны... На самом блокпосту вообще никаких.

– Привет...

– Тут к нам по кольцу прут несколько черепаш.

Черепашки... А, это они так окрестили «Кутузовых». Вездеходы, покрытые легкой, в три миллиметра броней – их не для боевых действий делали, а именно для рейдов в старый город. Лишь бы крысы сразу не прокусили.

По идее, с такой облегченной броней, да еще по городским дорогам, эти «Кутузовы» должны были летать, как с альпийских гор. Но что-то у них опять не сложилось. Почему-то ползли они даже с горки, как в гору. Да и вид у них соответствующий. Широкие, сверху плоским куполом, бронированные бойницы как пятна на панцире.

Зато в каждую такую черепаху влезает по полвзвода. Шесть штук – уже рота.

– Ко мне?

– Раскраска не наша. Гэбушная.

За спиной сержанта загудело. Хорошие сабвуферы за видеопанелью очень правдоподобно воспроизвели грохот пружин по раздолбанному асфальту колонны «Кутузовых».

– Попробуем задержать, но без гарантии. Ну, бывай, нам еще чушки натягивать...

– Спасибо.

Сержант уже отключился. Стас запустил пальцы в ежик волос и огляделся. Ну, вот. Началось.

То ли Рубаков заподозрил неладное, то ли какая-то информация до него дошла...

Колонна черепаш на три вылизанных черных «Сахалин-Карата» не очень-то походит. И когда присылают такой кортеж, едва ли дальше будут просить о сотрудничестве. Нет. Теперь все пойдет как у обрусевшего Винни-Пуха с Пятачком: «А куда ты денешься?»

Из кухни выглянула мордочка Серого, хрустя и чавкая каким-то уже окаменевшим, наверно, старым печеньем. Глядя на Стаса, он затих. Подозрительно напрягся. Спрятал лапу с остатками печеньки за спину.

– Мне бы твои заботы... Ладно, понеслась!

Времени в обрез.

Привычная одежда – джинсы, несколько рубашек, полотняный плащ, белье – в сумку.

Бритва, щетка, пакетик с лосьонами, шампунями и гелями – туда же.

Документы, кредитки. То же самое в липовых вариантах...

Теперь в кабинет. Стас развернул системный блок и открыл корпус. Говорят, когда-то давно, на заре эры персональных машин, сердцем компьютера называли процессор. Ну да с тех пор много воды утекло. Теперь для нужд простого смертного за глаза хватит самого простень-

кого из выпускаемых. И любой дурак знает, что здесь настоящее сердце... Стас вытащил диски и паролные смарт-карты. Все хитрые электронные потроха нужны лишь для того, чтобы обрабатывать то, что здесь...

Это уедет с нами.

Так, где была планшетка? Черт возьми, здесь же была! На столике лежала!

– Серый, паразит! – прорычал Стас. – Куда планшетку дел?!

Серый, с любопытством следивший за сборами, невинно хлопал глазами.

Черт, где же планшетка...

– Ага, вот ты где...

Стас рванул в кухню, снял с подоконника планшетку. Черт бы ее побрал! Индикатор батареи едва краснел! Хотя, вроде, зарекался же – всегда следить... И вроде, только два дня назад заряжал, и с тех пор не трогал, даже в сеть не выглядывал... Ладно, не время лечить склероз!

Стас метнулся в кабинет, нашел дополнительный аккумулятор и пихнул в сумку.

Так, ничего не забыли из мелочей? Или еще взять...

Квартиру заполнил перезвон.

Вот и до входной двери добрались... На стене кабинета видеопанели одна за другой вспыхивали, давая картинку с камер, разбросанных вокруг дома – где было движение.

Черпахи блокировали всю улицу – четыре, пять... шесть. Это только тех, что видно. А сколько еще на подходах?

Люки распаивались, сыпались ребята в камуфляже и бронежилетах. Да, на взаимовыгодное сотрудничество Рубаков явно перестал надеяться...

Стас отключил звонок, чтобы не нервировал. Только забыть чего-нибудь в спешке не хватало.

В наступившей неестественной тишине – то ли она звенела, то ли все внутри как натянутый стальной трос, вот-вот лопнет – прошел в спальню, распаив шкаф и сдвинул вещи, освободив дальний угол. У стены осталась пара вешалок. Давненько этой одежкой не пользовался.

Похоже на кожу, но не кожа. Ни с какой невинной твари это не сдирали. Никого на бойню не водили, затылок не пробивали, не свеживали. Пусть пришлось выложить куда дороже, но зато остатки трупа на себе не напяливаешь. Да и куда прочнее этот кевларин...

Стас натянул похрустывающие штаны и рубашку, крепкие «казаки» с титановыми набивками.

Теперь плащ, из такого же черного кевларина. Нет, сначала «Хеки». Стас нацепил упряжь с кобурами, рассовал по карманам запасные обоймы, подхватил плащ и шагнул в коридор... стоп. А что с Серым? Если этот непоседа начнет самовольничать...

Стас вернулся и присел у шкафа. Нашел внизу старую коробку для обуви – только лежали в ней не ботинки. Поводки. Давно без дела валяются. Все четыре года, что здесь... А теперь вот пригодились. Стас выбрал короткий прогулочный.

Так. Стас встал и огляделся. Что еще?

Все, вроде. Все остальное внизу, возле крыс.

На мониторах стало спокойнее. Первая фаза кончилась. Добрая рота отборных рослых парней, в бронежилетах и разгрузках казавшихся совсем уж великанами, окружили дом. Позиции они занимали тройками – один лицом к дому, двое других прижались спинами, держат тылы.

Стас довольно ухмыльнулся. Все-таки уважают. Вот что значит правильный имидж. Похоже, всерьез боятся, что на них сейчас натравят крыс?

Приятно, конечно, черт побери. Только крыс, которых можно было бы натравить, всего-то пять штук...

Серый, сунув в рот палец, пялился в экраны. Вдруг вытянул лапу:

– Уа!

У дверей нетерпеливо топтались трое без камуфляжа, терзая звонок.

Стас прошел на кухню, щелкнул чайником.

– Серый! Хватит глазеть, быстро сюда, завтракать! Когда еще поедим, неизвестно! Живее, живее, у нас мало времени!

Черт, надо было раньше сообразить: сделать выносные динамики. Сейчас бы включить наружу какой-нибудь странный насвист, да на все децибелы. Обосрутся, не обосрутся, а обратно под броню забились бы на часок. А мы бы тут хоть поели без спешки, по-человечески...

Парни оказались опытные. Не прошло и пяти минут, как от ближайшей черепахи к двери размотали трос с электромагнитом на конце. Ну-ну, ребятаки...

Жевать бутерброды пришлось в кабинете – следя, что там внизу. Проглотив остатки чая, Стас поставил чашку прямо на пол. Не до чистоты. Скоро здесь будут шлепать десятки рифленых подошв, уродуя дорогуший ковролин.

Ребятаки под дверью, судя по беззвучным, но выразительным гримасам, принялись обсуждать его генеалогическое древо. Оно и понятно. Ручек на двери нет, петли внутренние, на щели накладка. А магнитный трос к двери никак не лип – потому что под листом стали целая дюжина таких же. Едва включался магнит на конце троса, они тоже включались – только работали в противофазе.

Но этот цирк долго не продлится. Ребята боевые, а здесь не пригород. Сейчас дозреют, и вгонят одну из черепах углом в дверь – и всех делов.

– Пошли! – позвал Стас.

Натянул плащ, пристегнул к поясу конец поводка. Улыбнулся Серому – и быстрым движением накинул на него второй конец с ошейником. Щелкнул замочек.

– О-у-а! – Серый среагировал, дернулся, но слишком поздно.

На таких накидывать ошейника надо быстро – так же, как и доставать оружие. Только когда готов действовать.

Шимп нащупал на ошейнике замочек и пытался его открыть, но замочек был с секретом – сначала надо ввести код. Специально для таких вот шерстяных умников-разумников с тонкими пальцами и большой головой.

– О-у-а! А!

– Ничего, потерпишь.

– Гырыга!

– А в глаз?

– Ыпа-ыпа-от! Ыпа... – Серый осекся, и вдруг заискивающе улыбнулся, преданно глядя на Стаса. И потерял ошейник. – О-у-а? Ы-ыра... О-у-а?

– Ах ты, морда пройдохская... Только поглядите, ангельский голосок прорезался... Не выйдет, умник. Все, пошли!

Стас подхватил сумку, другой рукой взял Серого под мышку, пнул дверь и пошел по лестнице, ускоряя шаги.

Вниз, вниз, вниз...

Теперь долго придется шнырять по нижним мирам, как последняя крыса. Крысолов, селедочным хвостом тебя по затылку...

– Так, Серый, только не пугайся. Договорились?

Стас взял несколько пакетов кошачьего корма. Теперь сумка распухла до предела. Стянул с самого верха шкафа рюкзачок. Маленький, но тяжелый. Аппаратура, она такая.

– Ну, пошли.

На всякий случай взял шимпа за лапу – а то ну еще вырвется с перепугу и начнет блажить? Это всегда очень забавно, когда обезумевшая животина, метаясь, стреноживает тебе ноги своим поводком, и в итоге вы оба катитесь по земле, как кошка с собакой в одном мешке... Стас толкнул дверь.

Ударило крысиным духом, Серый дернулся, но Стас держал крепко. Нашупал на стене выключатель.

Вспыхнул неяркий красный свет. Рыжик, Лобастый, Белоснежка, Ушастик и Скалолазка – все тут как тут. Взяли в полукруг, радостно щелкая по полу хвостами.

– Добро пожаловать на крысярню, сир Грей.

Стас опустил шимпанзе на изъеденный паркет и подтолкнул к крысам. Серый вцепился в кевляриновую штанину железной хваткой.

– Свой! Беречь! – скомандовал Стас.

Крысы послушно подались к Стасу – и Серому. Шимп заблажил и попытался забраться по ноге, как по стволу дерева.

Стас приобнял его.

– Ш-ш... Не кричи, все хорошо...

Ч-черт... Надо было раньше его познакомить с личной гвардией. Этот шерстяной сутки простоял на карнизе, отбиваясь арматуриной от диких крыс. Такое долго не забывается.

– Спокойно, Серый, спокойно... Эти не укусят. Это наши крысы, ручные. Понимаешь?

Стас поймал взгляд Серого, потрепал по макушке.

Надо, чтобы Серый привык к ним. Хоть чуть-чуть.

Иначе кого-то придется здесь оставить – его или крыс. А так как без крыс выбраться отсюда будет проблематично...

– Все? Успокоился? Молодцом, Серый. А теперь давай-ка вниз, спокойно...

Серый хватался за руки, но Стас все-таки опустил его. Глаза у шимпа были такие, словно его не на пол ставили, а в бездонный колодец спихивали.

Но крысы всего лишь с интересом его обнюхали и вернулись на исходную.

Стас, не без труда, разжал пальцы серого на своей штанине, осторожно отступил – Серый замер, не спуская глаз с крыс. Но, кажется, уже не так напуган.

– Молодей, Серый. Молодчина.

Стас рассыпал по мискам пару пакетов кошачьего корма.

– Давайте, ребята, день сегодня будет тяжелый.

Уговаривать ребяток не пришлось. Сочные кусочки весело зачавкали под морфированными резцами.

Дом вздрогнул. Следом долетел тупой металлический скрежет.

Серый взвизгнул и крутанулся – даже лапки вскинул, уже готовый, чтобы Стас опять подхватил его на ручки. Крысы, перестав жевать, подняли морды.

– Все нормально, ребята, доедайте.

Похоже, гэбушники наконец-то сообразили, что единственный способ войти в дом – протаранить дверь.

Стас достал из рюкзака тепловизор и натянул на голову. Подтянул ремни, чтобы сидел плотнее.

Долбануло еще раз. Пора. Дверь крепкая, но так ведь и гэбушники не легковушкой ломятся. Стас закинул рюкзачок за спину, на грудь посадил Серого – тот с готовностью обхватил всеми четырьмя лапами.

Стас выключил свет.

Темнота была полной, окон здесь нет. Серый на животе напрягся и жалобно мяукнул.

– Придется потерпеть. С фонариками там ползают только смертники...

Стас опустил на глаза окуляры и включил тепловизор. Будто зажегся свет – только все перенеслось в другую комнату.

Стены, потолок – все это черное и какое-то очень далекое, почти плоское, словно не комната, а бесконечная сфера. Справа размыто краснели две полосы. Там в стене проходит отопление. Зато пол – будто из осеннего парка. Стали видны следы – тысячи крысиных лапок, от едва заметных красноватых до ярко-желтых, со всеми промежуточными оттенками.

Следы тепла на дереве тают долго. Хороший тепловизор возьмет их и через несколько минут. Это крысиные, мелкие. А если след человеческий...

Стас обернулся. Остроносые следы от «казаков» лежали на полу яркими желтыми стрелками. Если у гэбушников тепловизоры, сразу поймут, куда ушел.

Впрочем, это они поймут и без тепловизора.

А вот сунутся ли следом?

Стас нагнулся над плитой, блокировавшей вход в подвал, и сдвинул. Во тьме внизу, будто повисла в пустоте, краснела цепочка следов – недавно здесь пробежала крыса. И черт ее знает, какая, цивильная, из отрядов друзей Арни, или дикая.

Если из цивильных, то не угроза, а скорее защита. Только поди определи по следам, цивильная она была или дикая...

– Лобастый! Белоснежка, Рыжик! Вперед!

Три твари, светящиеся всеми оттенками зеленого – Стасу привычнее было физическое соотношение температур, для холодного красный, для горячего синий, – скользнули мимо ног и нырнули вниз.

В температурных цветах все выглядит иначе, но особенно сильна разница для живых тел, которые и остывают неравномерно, и тепло выделяют каждой клеточкой. Без привычки просто сбивает с толку.

Зато если привыкнуть, вселенная становится куда разговорчивее. Например, сразу видно, где тут Скалолазка, а где Рыжик.

Снова ударило. И через секунду долетел еще один грохот, иной. Выбитая дверь рухнула внутрь?

– Ушастик, Скалолазка! Тыл!

Стас сел на пол, нащупал ногами стальную лестницу и стал спускаться.

За дверью, в холле первого этажа, уже топало, бряцало, зычно орали команды и рапорты, что впереди чисто...

Ну, что же...

Прощай, home sweet home. Кто знает, не навсегда ли...

Стас задвинул над собой плиту и спрыгнул на бетонный пол подвала.

За двадцать лет все, что могло гнить, давно разложилось. Да еще морозец опять ударил. Весна, называется... Лишь иногда в нос бил резкий, будто шершавый, запах крысиного дерьма, но таких мест было немного.

Под ногами скрипели ледовые корочки, мимо плыли черные, едва различимые, стены.

Хруст ледка под ногами, стены, переходы, стены, повороты, ломкие корочки под ногами... И эхо от шагов, прыгающее между обледелых стен и не желающее умирать... Словно всю жизнь так вот идешь, и ничего в мире больше нет, только эти стены и ледовая крошка...

Подвал дома остался далеко – в какой-то прошлой жизни. Реальны только эти ходы и туннели.

Сначала они были маленькие, едва протиснуться, даже когда согнулся в три погибели. Потом просторнее, в них уже можно было идти почти выпрямившись. Теперь совсем здоровые, можно даже посадить Серого на плечи.

Темноту разбавляли лишь три цепочки крошечных желтых следов – Рыжик, Лобастый и Белоснежка шли впереди. Иногда мелькали и их зеленые задки с красноватыми хвостами, будто истаивающими к концам. Под двумя хвостами еще и по паре аквамариновых яиц...

Иногда под цепочками их ярких следов попадались бледные, едва заметные красноватые. Тогда авангард сбрасывал темп, и не зря. Из боковых туннелей выглядывали любопытные морды. Тогда Рыжик и Лобастый вскакивали на дыбы, резко и громко... как назвать этот звук? Это уже не писк, но еще и не лай. Но по нервам бьет здорово.

Часто предупреждения было достаточно. Если все-таки не срабатывало, Рыжик делал рывок – обманный, хватало его первых стремительных шагов, чтобы любопытная морда с писком понеслась прочь.

А может быть, не прочь, может быть, за подмогой... Именно поэтому надо идти быстрее. Ушастик и Скалолазка семенили сзади. Пока там тихо, никакая стая на хвост не села. Пока еще...

Серый примолк и только крепче хватался за Стаса, когда под ноги попадала кочка или вмерзший в наносы обломок кирпича.

– Ничего, шерстяной, скоро уже...

Впереди показались три зеленые задницы. Авангард остановился. Лобастый пискнул, на этот раз не угрожающе. Никого не отгонял, просто предупреждал, что впереди что-то есть. Что-то посерьезнее диких и трусливых одиночек.

Стас дошагал до них и тоже остановился.

Теперь, когда звук шагов и дробные эхо стихли, стал слышен писк. Тихий, но во много глоток.

Кажется, метров через двадцать вправо идет ответвление?

– Ушастик! Скалолазка!

Арьергард мигом примчался.

– Охранять, – скомандовал Стас.

Поставил шимпа между крыс и отстегнул от пояса карабин поводка. Бросил сумку, снял рюкзак с аппаратурой. Сунул руки под полы плаща и взвел «хеки». В принципе, не должны понадобиться. Но лучше не рисковать.

Пошел вперед – медленно, медленно, чтобы не спровоцировать атаку. Заглянул в ответвление.

Так и есть. За поворотом решетка, в ней приоткрытая дверь, рядом сбитый и давно заржавевший замок. Отсюда и пищало. За решеткой три десятка крыс преградили путь. Стояли четко – в пять линий по шесть морд.

Нет, не тридцать. Одной крысы в последнем ряду не было.

Побежала докладывать?

Здесь городские туннели смыкались с метро. До резиденции Арни рукой подать.

Стас оглянулся на свою личную гвардию. Напряженно застыли, как бегуны перед стартом.

У них-то тепловизоров нет, и им в этой крошечной тьме ничего не видно. Полагаются только на слух, запахи и память.

– Все в порядке, – сказал Стас. – Ждать!

Личная гвардия расслабилась. Кто-то из девчонок уселась, облизала заднюю лапу и начала мыть-вычесывать бок. Белоснежка, похоже. Кокетка.

Стас вернул «хеки» на предохранитель. Привалился плечом к стене. Надо подождать.

Минут через пять крысы за решеткой вдруг смолкли. Стал различим цокот коготков. Из темноты вынырнула одна зеленоватая морда, за ней вторая.

Первая вернулась в строй, вторая подбежала к Стасу и пошмыгала носом, довольно приветливо. Обернулась к своим и выдала хорошо поставленным командным писком. Взвод, охранявший туннель, раздался к стенам. Вытянулись на задних лапах – и все как один резко упали на четыре, цокнув когтями по мерзлomu бетону.

И этих научили честь отдавать... Выходит, Арни возится не только с теми отборными внутри станции? Фантазер неутомимый...

Стас сунул руку в карман, за красным фонариком – теперь можно... дьявол! Ну, конечно. Что-то да забыл. Фонарик остался на столике у шкафа.

Ладно, обойдемся. Стас вздохнул и пошел обратно.

– Серый, Серы-ый...

Шимп, без тепловизора и без чуткости крыс-морфов, медленно крутил головой, пяля в полную темноту невидящие глаза. Наконец, уставился прямо на Стаса – только смотрел будто сквозь.

– Это я, тихо...

Осторожно коснулся шерстяной макушки, чтобы не напугать. Серый тут же схватился за ладонь, пробежался лапками по руке и подскочил к Стасу. Вскарабкался по ноге и повис на груди, обхватив всеми лапами.

Стас забрал рюкзак с сумкой и пошел к решетке. Надевать рюкзак больше не требовалось. Здесь нужды в свободной руке нет, здесь не опасно. Ситуацию целиком и полностью контролирую цивильные.

Крысиный офицер еще раз приветливо шмыгнул – видно, принял Серого тоже за вполне высшее существо, и быстро засеменил, указывая путь.

Идти по путям в темноте было то еще удовольствие. Ноги попадали то на шпалы, то между, и казалось, что сама земля ходит ходуном, то толкая в пятки, то проваливаясь из-под ног.

Серый вдруг закрутил головой, завозился на груди. Радостно выдал:

– О-у-а! О-у-а!

– Что такое?

– О-у-а! Айт, айт!

Стас остановился. Ага, вот оно что. Стены туннеля впереди стали едва заметно красными. словно чуть теплее. Но ведь Серый в инфракрасном диапазоне не видит...

Стас поднял окуляры. Поморгал, привыкая к обрушившейся темноте. Наконец заметил. Впереди разливалось едва заметное свечение. Где-то далеко впереди был поворот или ответвление, и за углом светила лампа. Оттого и стены там такие – чуть теплее.

Из темноты впереди раздался писк. Офицер звал дальше.

Стас опустил окуляры и зашагал. Точно, вот и поворот. Вон и яркая, синяя-синяя полоска люминесцентной лампы. По стенам вокруг нее разлилось красное свечение, тускнея по краям.

– О-у-а! – оповестил Серый.

Он оживленно шебуршался на груди, нетерпеливо перехватывал лапами, а когда поравнялись с лампой, вдруг вовсе отлип и спрыгнул вниз.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.